

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Медальон знаменитой
Маты Хари проделал
причудливый путь,
пока не оказался в
современной России. Но
ему было предназначено
вернуться в храм
Шивы...

Мария СПАССКАЯ

Сакральный знак Маты Хари

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

Сакральный знак Маты Хари

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Спасская М.

Сакральный знак Маты Хари / М. Спасская — «Эксмо»,
2016 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-92480-6

Знаменитая танцовщица Мата Хари тщательно скрывала, что на самом деле почти не умеет танцевать. Производить впечатление на публику ей помогал медальон служительницы храма Шивы, который она заполучила во время службы мужа на Суматре. Когда она продала медальон, удача отвернулась от Маты Хари – молодой любовник отказался от нее, а ее шпионская деятельность закончилась плачевно... Известный в прошлом хоккеист Константин Маслов испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, он был счастлив, что скоро женится на Вике, с другой – переживал, ведь раньше она была невестой его сына Максима. Конечно, в день помолвки Максим устроил скандал. А ночью случилось ужасное: Вику обезглавили, а вместе с ее головой исчезла и коллекция восточных редкостей Маслова, главным экспонатом которой был медальон Маты Хари...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92480-6

© Спасская М., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Мария Спасская

Сакральный знак Маты Хари

© Спасская М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Москва, наши дни

– Место назначения находится справа, – бесстрастно сообщил механический голос навигатора, и я, включив поворотник и вильнув рулем, прижалась к обочине.

Потянулась на пассажирское сиденье, открыла сумочку, вынула ежедневник и еще раз сверилась с адресом. Все верно. Улица Баррикадная, ночной клуб «Амадеус». Достала из держателя на лобовом стекле смартфон, вышла из режима навигации и набрала номер Сирина. Олег ответил сразу же, как будто только и ждал моего звонка.

– Где тебя носит? – в голосе сквозило раздражение.

– Олег, я на месте, – откликнулась я. – В пробке застряла.

– Говорил, приезжай на метро, – нравоучительно затынул Сирин. – Опоздали мы, Берта. Матушкин уже подцепил себе барышню и прекрасно проводит время.

– Это ничего, – бодро откликнулась я. – Дождись, когда его подруга отправится в дамскую комнату, и пусти в ход вариант «Б».

– Не учи ученого.

– Нет, правда, – подбавила я в голос убедительно-льстивых ноток. – На моей практике еще ни одна красотка не отказывалась. Сейчас шефу позвоню, предупрежу, что вы приедете. Матушкин за каким столом?

– Он в белой тенниске и голубых джинсах, сидит за вторым столиком от входа. Его подруга – длинноволосая блондинка в золотом топе и мини-юбке. На сумке череп из стразов.

– Поняла. Я буду поблизости и очень надеюсь, что ты уведешь девицу как можно быстрее.

– Упреки не по адресу, – проворчал Олег. – Это не я опоздал на полчаса, а ты.

Я созвонилась с непосредственным начальством, предупредив о скором визите Сирина, и, подкрасив губы и проверив макияж, вышла из машины. Помахивая сумочкой, разболтанной походкой постоянной посетительницы зланных мест направилась к дверям кабака. И, не доходя, услышала сзади неприятный фальцет:

– Такая красивая и одна. Нехорошо! Надо бы исправить.

Обернувшись, я уперлась взглядом в широкую спортивную грудь, обтянутую красной майкой с символикой России. В мощном кулаке были зажаты четки, которыми поигрывал общительный спортсмен.

– И как нас зовут? – допытывался верзила.

Я подняла глаза и увидела улыбающееся круглое лицо. Есть люди, в принципе не страшные, но когда они улыбаются, их улыбка становится похожей на волчий оскал. Таким и был мой собеседник. Глядя на меня крохотными серыми глазками, он агрессивно скалил зубы и всем своим видом показывал, что с ним лучше не спорить, а подчиниться грубой силе, ответив на интересующие его вопросы и проследовав в нужном ему направлении.

Я не стала спорить, я позвонила Сирину.

– Мне войти не дают, – сухо сообщила я и дала отбой.

– Э, че ты гонишь? – насупился уличный пристава. – Кто это тебе войти не дает?

Не считая нужным отвечать, я молча смотрела на двери ночного клуба, которые вскоре распахнулись, выпустив Олега. Играя желваками на бесстрастном лице, Сирин устремился ко мне, и под его пристальным взглядом человек в спортивной майке непроизвольно попятился

назад. Нельзя сказать, что Олег чересчур раскачан или выделяется в толпе повадками боксера. Невысокий, точно скрученный из жил, с прямоугольным лицом и квадратным подбородком, он обладает загадочной харизмой, и достаточно лишь поймать на себе его стальной непроницаемый взгляд, как сразу же хочется оказаться как можно дальше и по возможности с ним больше не встречаться. Застыв неподалеку от меня, Сирина понаблюдал, как поспешно ретируется детина в красной майке. Когда путь был свободен и я процокала мимо него каблуками, заходя в клуб, Сирина чуть слышно прошептал:

– Еще один твой косяк, Лисанге. Нас не должны видеть вместе.

Сделав вид, что не расслышала, я спустилась по ступеням, прошла через полутемный холл, устремила в гремющий музыкой зал и отыскала глазами объект. Развалившись на угловом диванчике, Матушкин расслаблялся в компании развязной девицы, выглядел беспечным и веселым, именно таким, как нужно. Практически пустая бутылка джина была мне только на руку. Выбрав точку, откуда хорошо просматривался столик Матушкина, я прислонилась к стальной колонне и стала ждать. Нестерпимо грохотала музыка, мимо сновала развлекающаяся молодежь, и время от времени кто-нибудь из ловеласов предпринимал попытки вовлечь меня в беседу, но я лишь отмахивалась, краем глаза держа в поле зрения выжидающего за барной стойкой Олега.

После того как официант заменил опустевшую бутылку джина на новую, не забыв принести для дамы сухое мартини, блондинка поднялась из-за стола, склонилась к Матушкину, перекрикивая музыку, что-то ему сказала и, дождавшись расслабленного кивка кавалера, пропустила в сторону дамской комнаты. Олег покинул высокий барный табурет и, лавируя среди распаренных тел танцующих, направился за подругой Матушкина. Я двинулась следом, наблюдая за происходящим. Сирина прохаживался неподалеку от ватерклозета, делая индифферентный вид, пока дверь не распахнулась и блондинка не выпорхнула прямо к нему в руки. Пристально взглянув на нее, как только он умеет, Олег начал говорить. Я стояла в отдалении, но отлично знала, о чем идет речь, как будто слышала каждое слово.

Вот Сирина рассказывает доверчивой красотке, что он – устроитель международных боксерских боев, и этим вечером у него случился форс-мажор – внезапно заболела одна из девушек, выносящих на ринг таблички. Он туда, сюда – никто из знакомых девчонок не может ее заменить, у всех свои планы. Тогда он пришел в этот клуб, потому что помнит, что тут самые классные девушки. Окинул взглядом зал и увидел ее – очаровательную блондинку в золотом топе и с фантастически красивыми ногами. Не согласится ли она стать на этот вечер ринг-гел? Деньги заплатят хорошие, и делать ничего особенно не нужно. Просто ходи себе в купальнике по рингу и улыбайся в камеру. Конечно, купальник дадут! Ну да, будут снимать! Само собой, покажут по телевизору!

Глядя, как хищно блеснули глаза Сирина, я поняла, что цель достигнута и помеха устранена. И точно, подхватив девушку под руку, Олег повел ее к лестнице, чтобы отвезти в офис и допросить с пристрастием по интересующему нас делу. Подождав, пока парочка скроется за дверью, и для верности повременив еще немного, я развернулась и направилась к столу осиротевшего клиента. Перебравший Матушкин дремал, откинувшись на низкую спинку дивана. Нашупав в кармане диктофон, я включила прибор на запись и, заранее улыбаясь, опустилась рядом с объектом. Тронув его за колено и как бы случайно забыв убрать руку, я проговорила:

– Я присяду, не возражаете?

Парень открыл глаза и с недоумением уставился на меня. Затем разлепил запекшиеся губы и хриплым голосом ответил:

– Сиди.

Затем его взгляд сделался более осмысленным, и он удивленно выдохнул:

– Ты кто?

– Я Берга.

– А Ленка где?

– Это блондинка, с которой ты ужинал? Она только что ушла с Олегом. Знаешь Олега? Ну как же! У него еще такая обалденная машина! Синяя «Феррари»! Красавица! А скорость развивает! Я бы не отказалась на такой прокатиться. Тебя как зовут?

– Алексей, – оторопел объект. Но я знала, что делаю. Бывают ситуации, в которых напор и натиск поистине творят чудеса.

– Слушай, Леш, – интимно продолжила я, пододвигаясь поближе к парню и наклоняясь к самому его уху – так, что мои волосы касались его щеки. – Честно тебе скажу, всегда мечтала заняться сексом в такой вот тачке. У тебя случайно нет приятеля на «Феррари»? Прямо сейчас бы ему отдалась.

Реакция оказалась ожидаемой. Сон Матушкина как рукой сняло. Глаза оживленно заблестели, и парень возбужденно проговорил:

– Слушай, как тебя там, а красная «Феррари» подойдет или тебе только синяя?

– Да мне пофиг, – прищурилась я. – Сойдет и красная. Звони своему другу.

– Это моя тачка, – горделиво приосанился Матушкин.

Я вложила в голос весь эротизм, отпущенный мне создателем, игриво протянув:

– Ты как, не против?

– Поехали, – решительно поднялся он с дивана и, ухватив меня за руку, потащил за собой к выходу.

Перед клубом тосковали таксисты, и Алексей устремился к ближайшему.

– Шеф, в Нижние Мневники, только быстро! За пару минут доедешь – плачу два счетчика.

Полночь давно миновала, неизменные московские пробки схлынули, и до Мневников мы домчались и в самом деле за считанные минуты. И, следуя указаниям Матушкина, свернули в гаражи, длинной шеренгой выстроившиеся вдоль заброшенного железнодорожного полотна. Отпустив таксиста, Алексей отпер ничем не приметную железную дверцу где-то в середине гаражного ряда и потащил меня внутрь. Что и говорить, момент был неприятный. Если бы захотел, Матушкин мог сделать со мной все что угодно и никто никогда не узнал бы о моей печальной кончине и месте последнего упокоения, настолько заброшенной выглядела местность. Но парень был не убийца, я специально проверила его психологический профиль и потому держалась уверенно и дерзко.

Подошла к машине, провела рукой по гладкому красному боку. Она. «Ferrari 250 GT SBM California Spyder», 1961 года выпуска, выставленная на торги в мае американским киноактером Джеймсом Коурном за десять миллионов восемьсот девяносто тысяч долларов. Купила раритетную машинку некая дама из России, пожелавшая остаться неизвестной, и подарила своему любовнику – Алексею Матушкину. Юноша машину застраховал на кругленькую сумму, и надо же случиться такому несчастью – ровно через неделю раритетное авто угнали! Но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Большой ценитель женщин, Матушкин погорел на своей страстишке – любви к слабому полу. Вот прямо сейчас и погорел. Оглядевшись по сторонам, я капризно протянула:

– Тачка хорошая, а чего здесь все так загажено? Здесь мне как-то не комильфо.

– Гараж как гараж, – смутился Матушкин, оглядывая бетонный пол и замасленные канистры на полках.

Полагаю, гараж был съемный, ибо никакой информации об этом месте к нам не поступало.

– Слушай, а давай махнем в «Зурбаган»? Это здесь, недалеко. Шикарный жилой комплекс. Встанем на набережной, займемся любовью на природе, там вид на Москву-реку знаешь какой потрясающий? А потом ко мне поднимемся, кофейку попьем. Родители на даче, никто не помешает.

– Да ну, давай здесь, – не слишком уверенно откликнулся парень, пошатываясь от раздрающих душу сомнений и выпитого спиртного.

– Здесь не хочу, тут воняет, – упрямылась я, дожидая свою жертву.

– А, хрен с тобой, поехали, – махнул он рукой, подходя к заваленной хламом полке, запуская пятерню в ржавую банку из-под краски и извлекая ключи.

Матушкин распахнул гаражные ворота, сел за руль, завел мотор и выгнал любовно надраенный до зеркального блеска спорткар на улицу. Потом он запер двери гаража и с заявленной производителем мощностью мотора в двести семьдесят семь лошадиных сил понесся на Шукинскую. Я молила только об одном – чтобы нас не задержала дорожная полиция. В принципе это тоже был неплохой вариант, но испортил бы весь задуманный эффект. Стремительный полет красный болид закончил у первого КПП, лихо затормозив перед шлагбаумом. Я достала из сумочки пропуск и приложила к валидатору. Шлагбаум медленно пополз вверх, пропуская нас, и, сорвавшись с места, раритетный «Феррари» влетел на территорию «Зурбагана». Проехал между вторым и третьим корпусами и свернул на набережную. Промчался до самого ее конца и резко затормозил перед кованой оградой, заглушив мотор.

– Ну, здесь тебе норм? – потянулся ко мне Матушкин.

– Угу, – кивнула я, краем глаза наблюдая, как к нам подъезжает машина Олега и встает так, чтобы блокировать пути к отступлению.

Пока Матушкин гладил мои колени, забираясь дрожащей от возбуждения рукой все выше и выше под юбку, Сиринов, выбравшись из машины, подошел к «Феррари» и постучал в лобовое стекло. Вздвогнув, Матушкин дернулся, выматерился и схватился за ключ зажигания, собираясь ретироваться. Но спорткар был заперт – впереди виднелась ограда, позади вплотную прижалась машина Олега. Мой напарник косточкой согнутого пальца снова постучал в окно и, повысив голос так, чтобы было слышно в наглухо задренном салоне, прокричал:

– Господин Матушкин! Какая удача! Ваша машина вовсе не похищена! Полагаю, страховая компания, интересы которой я представляю, вам больше ничего не должна! А вот следственные органы, скорее всего, вами заинтересуются!

И тут Матушкин все понял. Лицо его перекопилось, глаза налились кровью, и он рванулся ко мне с кулаками.

– Сука! – взревел он. – Вот сука! Это ты меня подставила!

Я проворно распахнула дверцу и выскочила, почти вывалилась на асфальт из салона авто. Олег подхватил меня и поставил на ноги. И, критически оглядев, уточнил:

– Цела?

Следом за Сириновым с трудом выбрался из машины Владимир Ильич, не без сарказма называемый Олегом «Вождь».

– Невредима? – пробасил шеф, отдуваясь, как после забега. Слишком тучный, он часто мучился одышкой и непрестанно промокал платком высокий лоб и толстую шею.

– Угу, – буркнула я.

– Тогда марш домой! – скомандовал Владимир Ильич. – Олег тебя отвезет, а я до приезда полиции покараулю этого красавца, чтобы не сбежал.

– Что, даже чаю не попьем? – насупилась я, рассчитывая подняться в офис и хлебнуть кофейку с бисквитом, который, как я помнила, завалился в шкафчике.

– Эх, Берта, Берта, ничему тебя жизнь не учит! Если бы моя Танюша шлялась ночами по кабакам, а под утро торчала в офисе, вместо того чтобы безмятежно спать в своей девичьей кровати, я бы ей всыпал по первое число, – подталкивая меня в спину в сторону своего «Форда», назидательно говорил Олег. – Я тебе, конечно, не отец, но с недавних пор несу за тебя ответственность.

Вот честно, я ему ужасно благодарна и только потому стараюсь не перечить. Олег спас меня от тюрьмы. Спас ценой своих погон, вылетов из полиции за то, что развалил уголовное

дело, сулившее мне пять лет колонии общего режима. Все стало плохо, когда мама получила в своем институте повышение. Мы переехали из Якутска в Москву, и я оказалась совсем одна в чужом незнакомом городе. Как я закончила школу – сама не знаю. Сколько себя помню, мама все время проводила на работе, исследуя реакцию лабораторных мышей на разрабатываемый препарат от аллергии. Возможно, что это великая миссия, и она стоит того, чтобы предоставить семнадцатилетнюю дочь самой себе, но мне от этого было не легче. В школе я так и не нашла друзей, прослав среди одноклассников безответной тихоней, которая не может за себя постоять.

– Рыжая уродина! – кричали мне вслед. – Конопатая дура!

Стараясь не привлекать внимания, я до десятого класса сразу же после занятий стремглав бежала домой и робко сидела в своей комнате, читая книжки, но потом непреодолимая потребность любить и быть любимой погнала меня на улицу. По телевизору часто рассказывают про секты, члены которых подходят в общественных местах к доверчивым людям и заманивают в свои сети. Так вот, я чувствовала себя настолько одинокой, что изредка выбиралась из своей берлоги, ходила по общественным местам и буквально молила небеса, чтобы ко мне вот так же подошли и заманили. Я очень хотела быть хоть кому-нибудь нужной. Нужной и полезной, пусть даже за это пришлось бы расплачиваться утратой собственного «я».

И ко мне подходили, но все больше для того, чтобы сшибить денег или пригласить нескучно провести вечерок. Иногда я соглашалась, думая, что пригласивший искренне заинтересован во мне, но после спонтанного гадкого секса со случайным партнером, зачастую не удосуживающимся запомнить, как меня зовут, становилась противна самой себе и, вернувшись домой, подолгу стояла под душем, оттирая намыленной мочалкой следы чужих потных рук. Но на следующий день я снова выходила на улицу, чтобы найти приключения на свой тыл, и, надо сказать, находила. Вскоре, осмелев и почувяв пьяный воздух свободы, я стала болтаться по Москве уже не изредка, а каждый день. Сначала после школы, затем вместо школы, а вскоре и вовсе перебралась жить к новому другу.

С Адгуром я познакомилась в метро. Была зима, я гуляла по Новому Арбату, мороз загнал меня погреться на станцию метро «Арбатская», и я, уткнувшись в смартфон, сидела на скамейке в конце платформы, когда передо мной возник стильный паренек восточного вида и просто сказал:

– Пойдем, купим тебе сапоги.

Я оторвалась от переписки с подругой из далекого покинутого Якутска, по которому я ужасно скучала, и вскинула на незнакомца непонимающие глаза. Высок, статен, в дорогом кашемировом пальто в пол, руки в карманах, на шее – белое кашне, и по всей станции витает аромат его парфюма.

– Зимой нельзя ходить в кедах, – ослепительно улыбнулся парень. – Воспаление легких тебе гарантировано.

Взглянув на свои потрепанные всесезонные кеды в мокрых разводах, я спрятала ноги под скамейку и с вызовом выпалила:

– А вам-то что?

Занятая исследованиями, мама давно уже не обращала внимания, в чем я хожу. Когда я говорила, что нужно купить новую куртку или джинсы, она рассеянно кивала и тут же переводила разговор на лабораторных мышей.

– Пойдем, – перестав улыбаться, стал серьезным незнакомец. – Я тебя не трону. Честно! Только сапоги куплю.

Адгур и в самом деле отвел меня в обувной магазин, откуда я вышла в теплых меховых ботинках. Я уже не дичилась своего смуглого благодетеля, весело смеясь шуткам, и даже находила его невероятно красивым. Изысканным стилем одежды и черными, гладко зачесанными

назад волосами он походил на танцора аргентинского танго. Или на итальянского мафиози, я так и не разобралась, на кого именно.

– Ты сегодня ела? – осведомился новый друг.

И повел меня в «Макдоналдс». Он был невероятно обаятелен, и после «шрима-ролла» и кофе с пирожком я охотно согласилась поехать к нему в гости. Я приезжала к нему каждый день, и Адгур все время был дома. Но это меня почему-то не удивляло, мне казалось, что он художник и работает по ночам. Почему художник? Наверное, потому, что стены в его просторной квартире в самом центре Москвы были завешены всевозможными картинами в богатых золоченых рамах, скромных багетах и вовсе без рам. Но когда я стала оставаться у него на ночь, то убедилась, что это не так. Ночью он тоже не творил в своей мастерской, а спал, как и все остальные люди. Зато обещал свозить меня в Лувр и в музей Прадо, рассказывал много интересного о художниках и полотнах, о работах знаменитых скульпторов и ювелирных коллекциях.

На полках его библиотеки высились ряды роскошно изданных альбомов с репродукциями, и Адгур часами мог мне их показывать и рассказывать, какие сокровища мировой культуры я перед собой вижу и в каких музеях они хранятся. Вскоре я вполне прилично научилась разбираться в предметах искусства, и вот тогда мы перешли к изучению основ драматургии. Я еще не очень поняла, для чего мы всем этим занимаемся, но, разыгрывая волнуемых школьниц и вульгарных девок по вызову, начала кое о чем догадываться. Адгур орал на меня и даже бил, провоцируя стрессовые ситуации, из которых я должна была научиться находить достойный выход.

Время от времени Адгур давал мне какие-то свертки и называл адрес, по которому мне следовало их отвезти, и просил ничего не записывать, а держать адреса в голове. В тот год я с грехом пополам окончила школу, лето мы провели на море, и в самом начале сентября мой друг сказал:

– Берга, у меня проблемы. Я знаю, что положиться могу только на тебя. Мне очень нужна твоя помощь.

Меня охватило ни с чем не сравнимое ощущение счастья. Свершилось! Наконец я кому-то всерьез понадобилась! И, пребывая в эйфории, я почти что украла под заказ небольшую картину Саврасова. Это было так увлекательно, точно я участвовала в съемках кино. Сначала мы долго изучали по каталогам внешний вид заказанного полотна. Я так хорошо запомнила грачей на ветвях дерева в Сокольниках, что могла бы с закрытыми глазами нарисовать таких же. Затем я училась вскрывать отмычками замки и незаметно прятать вещи в специальный карман на юбке.

В день операции я надела форму престижной столичной гимназии, домашние тапочки на босу ногу, взяла на руки крохотного белого котенка, и старший друг повез меня на Ленинский проспект. Тот, кого мы должны были ограбить, жил в могучей сталинке с широкой парадной лестницей и кариатидами, подпиравшими балконы, а возле лифта сидела строгая консьержка. Но я прошла через черный ход, заколоченный обветшалыми досками. Адгур заранее вынул из досок несколько гвоздей, позаботившись о том, чтобы я смогла этим ходом воспользоваться. И вот я стояла на черной лестнице перед квартирой коллекционера, прижимала котика к груди и, размазывая слезы по щекам, отчаянно молотила в дверную филенку. Хозяин открыл не сразу. Сперва он поговорил со мной через дверь.

– Кто там? – раздался из-за двери его настороженный голос.

– Ваша соседка сверху, – всхлинула я. – Прошу, помогите мне! Я открыла дверь черного хода, чтобы покормить голодных кошечек, а мой котик выбежал на лестницу и стремглав помчался вверх! Я его поймала, но когда вернулась на этаж, увидела, что дверь захлопнулась! Позвольте пройти через вашу квартиру, пожалуйста! Я больше часа не могу попасть домой!

Я стучу, а бабушка не слышит! Если я позвоню в звонок с парадного входа, она обязательно откроет!

Дверь приоткрылась, и крохотный старичок высунул в образовавшуюся щель седую плешивую голову, поросшую тонкими редкими волосками. Для правдоподобности я чмокнула котенка в морду и обезоруживающе улыбнулась старичку. И, продолжая улыбаться, спросила:

– Так можно я пройду через вашу квартиру?

– Что ж, барышня, проходите, – нехотя откликнулся коллекционер, распахивая дверь.

Я шагнула через порог и оказалась на просторной кухне. На плите закипала в большой кастрюле курица, тоненько порезанная на разделочной доске морковь ждала своей очереди, чтобы отправиться в кастрюлю следом за птицей. Меня это немного смутило, но Адгур уверял, что в это время суток старик в квартире совершенно один, и я, следуя заранее продуманному сценарию, дошла до коридора, заметила до боли знакомых грачей, неловко споткнулась и взмахнула руками. Котенок шлепнулся на пол, испуганно мяукнул, метнулся в комнату и скрылся под диваном.

– Ой! Мой Кексик опять убежал! – всполошилась я, косясь на картину. – Пожалуйста, принесите швабру!

Старик поковылял в санузел, а я, согласно инструкциям Адгура, проворно сняла со стены подлинник Саврасова, собираясь повесить на его место заранее приготовленную копию, да так и застыла с трофеем в руках, не успев спрятать под юбку. Со стуком распахнулась дверь санузла, и из него вышла дородная дама и схватила меня за руку. Буквально через десять минут, несмотря на мои слезы и просьбы отпустить домой, к маме, примчались стражи порядка. Был изнурительный допрос в сером здании в самом центре Москвы, который вел совершенно лысый капитан со стальными глазами и неправдоподобно правильными чертами лица. Такие лица бывают у манекенов и роботов. Впечатление, что перед тобой не настоящий человек, усиливало то, что брови и ресницы на его суровом лице были абсолютно белые и сливались с грубой пористой кожей.

Капитана звали Олег Андреевич. И фамилия у него была Сирин. Однако, несмотря на говорящую фамилию, отсылающую к птице Сирин, по легенде своим пением заманивающей корабли в морские глубины и обрекающей моряков на погибель, сладкоголосым назвать его было нельзя. Наоборот, говорил он мало и хрипло, в основном довольствуясь короткими рублеными фразами. Как он ни допытывался, про организатора я ничего не рассказала, чем здорово разозлила капитана Сирина. Три дня я провела в камере предварительного заключения, а потом меня опять вызвал Олег Андреевич и сам подробно рассказал, как было дело. Клянусь, я не называла имени Адгура, ибо полагала, что не имею права предавать того, кто хочет мне только добра. И я снова начала все отрицать, говоря, что идея украсть Саврасова посетила меня совершенно самостоятельно. Олег Андреевич смотрел на меня стальным холодным взглядом, от которого по затылку скребли кошачьи когти, и было страшно себе представить, о чем он думает.

– Значит, это ты, Берга Лисанге, написала копию «Грачей в Сокольниках», которую собиралась повесить на место подлинника в квартире искусствоведа Берковича? – тусклым голосом осведомился он.

– Ну да, конечно, я, – принялась я усердно трясти головой.

Сирин придвинул ко мне через стол лист бумаги и, положив сверху карандаш, приказал:

– Рисуй.

– Что рисовать? – похолодела я.

– Грачей.

И я нарисовала, как смогла. С памятью у меня все хорошо, поэтому каждая птица оказалась на своем месте. Но вот с рисунком... Рассматривая плоды моего творчества, Сирин хмыкнул:

– Знаешь, Лисанге, если бы не твоя мать, я бы, вот честное слово, не стал за тебя впрягаться.

– Мама? – растерялась я. – А при чем тут мама?

– Я виделся с Киярой Айдаровной. И разговаривал. Мне хватило. Более непрошибаемой женщины я не встречал. А ведь я сначала думал, что ты, Лисанге, законченная оторва. Но теперь понимаю – ты просто несчастный ребенок. У меня у самого такая же дочь, как ты. Я каждый час звоню Танюшке, спрашиваю, как дела, где она сейчас и с кем. Твоя же матушка не смогла назвать имени ухажера, у которого ты обитаешь последний год. Не говоря уже об адресе этого типа. Ей настолько на тебя плевать, что даже поразительно. Ты не в курсе, зачем она тебя рожала?

– Насколько я понимаю, случайно вышло, – дернула я плечом. – Молодая аспирантка понравилась научному руководителю, он переспал с ней, она забеременела. И, должно быть, в пылу научных поисков даже не заметила этого. А когда все сроки были упущены, пришлось рожать. Вот и родила.

– Ты так же, как и мать, Айдаровна?

– Как видите.

– И фамилия у тебя материнская?

– Ну да.

– Интересная фамилия. Наверное, Лисой дразнили в школе?

– Дома, в Якутске, да, Лиса. А в Москве я стала рыжей дурой.

Он внимательно посмотрел на меня и совершенно серьезно сказал:

– Тоже подходит. Честно говоря, впервые вижу рыжеволосую якутку. Ты не красишься?

– Ага, крашусь, – ехидно прищурилась я. – И канапущки подводкой для глаз рисую.

Хотите, сотру?

Но Сири́н не поддался на провокацию.

– А почему вдруг Берта? – миролюбиво спросил он.

– Собака у мамы была в детстве любимая. Ездовая хаски. Мама в Усть-Алданском улусе¹ выросла, там знаете какие просторы? Было где на собачьих упряжках погонять.

– Понятно, – протянул капитан. И, помолчав, добавил: – Ну ладно, что-нибудь придумаем.

А еще через день меня освободили. Я вышла из КПЗ и сразу же увидела Олега Андреевича. Он махал мне рукой из машины, и я устремилась к нему. Села в салон, и «Форд Фокус» тут же тронулся с места.

– Привет, рыжая сама знаешь кто, – поприветствовал меня Сири́н, протягивая шоколадку «Аленка». – Ну как, не тянет больше на подвиги? На всю жизнь хватило?

– Олег Андреевич, почему меня отпустили? – нахмурилась я, небрежно убирая шоколад в «бардачок» и всем своим видом показывая, что мне подачек не надо.

– А ты бы хотела подольше посидеть? – усмехнулся Сири́н. – Понравилось?

– Не в том дело, – сердито оборвала я, ожидая подвоха. – Просто хочу знать.

– Потому что потому, – в свою очередь, нахмурился капитан. – Тебя отпустили. А меня настоятельно попросили написать рапорт об увольнении из двенадцатого отдела ФСБ, где я много лет плодотворно боролся с преступлениями в сфере произведений искусства и антиквариата. Кстати, моего начальника Володю Хренова тоже вышибли.

– И его из-за меня? – тихо прошептала я.

– Не то чтобы из-за тебя, но ты послужила катализатором. Такой вот финал нашей с тобой истории.

И, обернувшись ко мне, невесело улыбнулся.

¹ У л у с (якутский) – район.

– Эй, рыжая, не вешай нос! Чем собираешься заняться? Чего молчишь?

А что я могла сказать? Что прямо сейчас поеду к Адгуру, потому что он единственный, кому есть до меня дело? Сирина словно прочел мои мысли.

– Ну, понятно! Думаешь двинуть к своему грузинскому рыцарю?

– Он не грузин, он абхаз.

– Это без разницы. Можешь не ездить – зря только время потратишь. Адгур Лагидзе сел. И сел, надеюсь, надолго.

– Ты его посадил? – раненой львицей вскинулась я, в бешенстве оборачиваясь к капитану Сирину и сама не замечая, как перехожу на «ты».

– Само собой, – собеседник тоже не обратил внимания на фамильярность. – Не думаешь же ты, Берта, что была у него одна-единственная? У него таких девочек для криминала и удовольствий пруд пруди. Он у нас давно находится в разработке. Твой дружок организовал бесперебойный конвейер по продаже ворованных картин за рубеж, таская чужими руками каштаны из огня. Сам он ни разу не сунулся в квартиру жертвы и потому был чист. Он использовал таких, как ты, девочек-ромашек, воровавших картины и время от времени попадавших на кражах, ни разу не назвавших его имени, ибо Лагидзе прекрасный психолог и умеет манипулировать подружками. Твой абхаз погорел на Саврасове. Уж очень большой куш пообещали. Заказчик – кстати, наш осведомитель – требовал передать «грачей» до конца недели, потому что уезжал в Европу. Найти и обучить новую дурочку у Лагидзе не было времени. После того как тебя взяли, Адгур отправился на дело сам, и вот тогда-то мы и замели его с поличным. Так что тебе, Лиса, еще повезло, другие девицы до сих пор на нарах чалятся. Итак, повторяю вопрос: чем думаешь заняться?

– Что ты хочешь от меня услышать? – устало спросила я, опустошенная откровениями капитана.

– О дальнейших планах, разумеется.

– Запрусь в своей комнате с книгами, – я даже передернулась от подобной перспективы, – буду в институт готовиться.

– Любопытно. В какой же? В Суриковку? Или в Строгановский? Ты же у нас художник!

– В Школу-студию МХАТ, – буркнула я. – В душе я трагическая актриса.

– Тоже дело, – кивнул капитан. – У тебя получится, таланта тебе не занимать. Коллекционер Беркович, которого ты пришла обворовывать, до сих пор не может поверить, что такая славная барышня – и вдруг воровка. Главное, Берта, – найти свое призвание. Взять мою Танюшку. В университете на юридическом учится, довольна. Пойдет по моим стопам – станет следователем. А в Оленьку у нее замечательный голос. Под гитару поет – заслушаешься.

Из долгих бесед во время допросов я успела узнать, что Олег Андреевич Сирин под внешней суровостью и даже некоторой жестокостью боготворит жену и дочку. Все наши разговоры рано или поздно обязательно сворачивали на Оленьку и Танюшку. Он даже показывал мне фотографии миловидной блондинки среднего возраста и приятной полноты с очаровательными ямочками на щеках и светленькой, коротко стриженной девушки с наивными серыми глазами в пол-лица, вззирающими на мир из-под трогательной челки. Судя по тому, что Оленька и Танюшка позировали в горнолыжных костюмах, снимаясь на фоне одного и того же пейзажа, снимки были сделаны во время совместного отдыха. Были подобные снимки с морского побережья, из подмосковного дома отдыха и с каких-то концертов и фестивалей. И везде отец, мать и дочь отдыхали вместе, улыбались и радовались жизни. Поэтому людей, которых судьба не осчастливила таким богатством, как крепкая и дружная семья, Олег искренне жалел и старался сделать так, чтобы эти обездоленные влились в их коллектив, сделавшись их общими друзьями.

– Мы с Володей Хреновым решили заняться интересным делом, – глядя на дорогу, продолжал Сирин. – Хотим открыть службу специального расследования страховых случаев.

– И что в этом интересного? – поморщилась я. – Скукота.

– Не знаешь – не говори. Я много об этом думал и изучил вопрос очень серьезно. В Канаде давно существуют подразделения, задача которых сводится к тому, чтобы изобличать умников, решивших кинуть страховую фирму на кругленькую сумму. Есть люди, которые специализируются на обмане компаний-страховщиков и даже превратили подобный вид мошенничества в доходный бизнес. Некоторые страховые фирмы имеют свои отделы расследования подозрительных исков, но в основном этим никто не занимается. И вот теперь будем заниматься мы с Володей Хреновым. Ты у нас, Берта, девушка сообразительная, не без актерского таланта, твоя помощь тоже была бы не лишней. Может, пока будешь готовиться в институт, поработаешь с нами? Тебе ведь надо на что-то жить, на маму твою я бы особо не рассчитывал. И опять же, будешь под моим присмотром, чтобы не сбиться с пути. Ты как, в деле?

– Да, – буркнула я, открывая «бардачок» и на правах коллеги доставая шоколадку. Теперь, когда мы были в одной команде, это больше не было подачкой. Это был товарищеский презент. Отломив верхний ряд шоколадных квадратиков, отправив их в рот и медленно, со вкусом, прожевав, я громко повторила: – Черт возьми, да! Я в деле!

С того памятного дня я тружусь в службе спецрасследований страховых случаев «Сирин и Хренов». Должности и места компаньоны распределили так, чтобы никому не было обидно. Генеральным директором фирмы стал «Вождь» Владимир Ильич, ибо он – старший по званию. Зато в названии конторы фамилия Олега стоит на первом месте. Кстати, Сирин был прав. Услуги нашей фирмы и вправду необычайно востребованы, так что без дела мы не сидим. Заработки вполне приличные, я снимаю просторную однушку в прелестном дворике на Октябрьском поле, купила машину, но, самое главное, я ощущаю свою значимость. Только что мы задержали ведущего менеджера по рекламе фармацевтической фирмы «Протекском» Алексея Николаевича Матушкина тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения, желавшего получить за якобы украденную раритетную автомашину «Феррари» от компании «Росстрахование» кругленькую сумму в тридцать миллионов рублей. И я, лично я, сыграла в его задержании главную роль! Этот день прожит не зря. Интересно, что будет завтра?

Малайзия, о. Суматра, наши дни

– Двадцать пять тысяч рупий за номер без кондиционера и воды, в котором, кроме матраса на полу, ничего больше нет, это, согласитесь, друзья мои, дороговато. Но Медан есть Медан, город особый, где одинокого туриста ждут две основные заботы – не провалиться и не вляпаться. Однако удивлять я вас буду не этим. Любой, кто посетил тот город, вам скажет, что, кроме Великой мечети – Масджих Райа и маленького невнятного Истана Маймун, что переводится как Дворец султана, смотреть здесь особенно не на что. Но вы не верьте. Это далеко не так. Помимо сточных канав и покосившихся хибарок в Медане и его окрестностях много настоящего диковинного, и в первую очередь остров Суматра ассоциируется с удивительными бабочками, многие из которых эндемики. Помните, как говорил наемный убийца из культового фильма «Дежавю», улыбаясь беззубым ртом в стенах психиатрической больницы? Я – американский ученый-энтомолог, следую на Суматру в поисках бабочек! Надеюсь, там, куда мы сейчас отправимся, бабочки тоже встречаются. А вот и наш гид Дэвид.

Макс широко улыбнулся и подмигнул в видеокамеру, установленную на портативный штатив. Подпрыгивая на раздолбанной дороге, состоящей из одних ям и ухабов, к ведущему популярного видеоблога «Ну, удивил!» Максиму Маслову приближался мотоциклист, по виду – коренной обитатель здешних мест. Аборигенов выдавали яркие майки, короткие шорты, резиновые шлепанцы на босу ногу, а также цвет кожи оттенка какао и черные, как смоль, густые шевелюры. Затормозив перед зданием отеля так, чтобы попасть в объектив видеокамеры, малаец снял мотоциклетный шлем, прищурил на солнце азиатские глаза и заговорил на хорошем английском:

– Прекрасный денек! Ну что, Макс, погнажи? Времени в обрез. Как раз чтобы смотаться туда и обратно до начала вечернего ливня.

Блогер выключил камеру, убрал оборудование в рюкзак, приблизился к прислоненному к чахлому деревцу мотоциклу, отстегнул прикрепленный к рулю мотошлем, протер влажной салфеткой стекло установленной на шлеме видеокамеры, попутно включив прибор, шлем водрузил на заросшую светлыми вихрами голову, перекинул ногу через пахнущее кожей сиденье мотоцикла и выжал газ. Блог существовал не первый год и, как и следует из названия, создавался с целью удивлять. За это время Маслов объездил половину мира, везде находя что-то необычное и выкладывая отснятый материал в Интернет. Число подписчиков его блога множилось с каждым днем, и Максим придумывал все новые и новые приключения, способные доставить несколько приятных мгновений даже самому взыскательному интернет-пользователю.

Серый город производил тягостное впечатление нищеты и безысходности. Удручали однотипные домики в два этажа, на каждом углу пестрели развалы с дымящейся на мангалах едой. Узкая улочка, по которой мчались мотоциклисты, буквально кишела машинами, яркими автобусами, мопедами, велосипедами и гужевым транспортом, влекомым угрюмыми мулами, причем каждый участник движения ехал так, как ему вздумается. Ловко уворачиваясь от туземных ездовых, мчащихся на бешеной скорости с поразительной беспечностью, мотоциклисты выскочили за город и устремились по открывшейся равнине в сторону джунглей. Вдали виднелись вершины вулканов, широкой полосой синел Зондский пролив, и где-то очень далеко, так далеко, что, казалось, добраться туда невозможно, черной точкой темнел девственный лес.

Обычные туристы, передвигавшиеся по окрестностям Медана на джипах, предпочитали в джунгли особо не углубляться, ибо велика была вероятность остаться там навечно. Времени гиды из местных водили группы любопытствующих вдоль кромки тропического леса, умиляясь вяло свисающим с лиан орангутангам и проворно снующим среди фикусов макакам, мечтая и боясь встретиться с выходящим из-за древовидных папоротников леопардом и прислушиваясь, не раздастся ли в глубине джунглей трубный слоновий глас. Заросли казались непроходимыми, но по опыту, приобретенному в джунглях Юго-Восточной Азии, Максим знал, что пробиться нельзя только через бамбуковую поросль – все остальные преграды преодолимы.

Под удивленными взглядами туристов и неодобрительными – гидов проводник вместе с российским блогером устремились в самую гущу леса, пряно пахнущую перегноем. Натужно ревя мотором, они мчались по едва заметной тропе, ловко взлетая на заросшие лесом холмы с массивными выпирающими корнями, по которым приходилось въезжать как по ступеням гигантской лестницы. Езда на байке была для Маслова занятием привычным. В любом месте, куда бы ни забирался, первым делом блогер брал в аренду мотоцикл и гонял на нем по городам и весям, потому и владел этим видом транспорта в совершенстве. Судя по всему, нанятый проводник-малаец в этом деле тоже был ас и, временами сбрасывая скорость на своем ярко-красном «Suzuki», ловко обходил естественные препятствия и неожиданные преграды.

Лес внезапно расступился, и перед путешественниками открылась огромная поляна. Проводник, выскочив на изумрудную ее середину, остановился, дожидаясь клиента. Макс подкатил к нему и затормозил рядом. Привыкшие к полумраку джунглей глаза ослепило застывшее в зените солнце, и блогер, сдернув с головы шлем, надел темные очки, озираясь по сторонам. Внимание его сразу же привлек возвышающийся в центре поляны белый конус, сложенный из искрящихся на солнце каменных плит, вокруг которого буйно разрослась никем не утоптанная зелень. Рядом с конусом доживал свой век облезлый деревянный слон. Яркие узоры на боках его вымыли безжалостные дожди, а бивни и хобот отвалились от времени и валялись тут же, у изъеденных жучком-древоточцем ног исполина. Вокруг белого конуса находилось несколько крытых рисовой соломой крестьянских хижин с пристроенными к ним навесами на

бамбуковых шестах. Заметив стоящего у входа в одну из хижин человека, Макс скинул рюкзак, вытащил камеру и, включив аппаратуру, оживленно обернулся к своему спутнику, тоже стянувшему шлем с головы и наслаждающемуся прохладным ветерком, пахнущим спелым манго.

– Ну вот, друзья, мы прибыли на место и подумали, что неплохо было бы купить кокос у местного жителя и промочить горло после трудной дороги.

Блогер подмигнул проводнику, с интересом взиравшему на происходящее, и, оставив ему мотоцикл, выставил камеру перед собой и направился к туземцу. Но, приблизившись к неподвижной фигуре, понял, что тот едва ли способен к конструктивному общению. Лохматое, обросшее волосами существо, замершее под навесом, лишь с очень большой натяжкой можно было причислить к отряду гомо сапиенс.

– Опа! – с радостным изумлением вырвалось у блогера. – А вот, дорогие мои, и обещанный сюрприз! Вашему вниманию представлен шиваит – подвижник, давший обет «танаса», – обходя пребывающего где-то очень далеко столпника, возбужденно говорил Максим, задерживая объектив камеры на маленьком остром трезубце, пронзавшем высунутый язык и нижнюю губу «святого», на его идиотической улыбке и закотившихся глазах. – Парнишка обрек себя на вечное молчание, а также на непрерывное стояние по стойке «смирно» и потому не может ни сидеть, ни лежать, но иногда хитрит, облакачиваясь на это незамысловатое сооружение.

Камера двинулась дальше, снимая свисающую с потолка трапецию, обернутую подушкой. Подоспевший гид довольно улыбался, радуясь произведенному эффекту.

– Ну как, хорош? – с видом собственника осведомился малаец. И гордо добавил, как будто в этом была его собственная заслуга: – Вот уже сорок лет, как стоит.

Довольным взглядом он окинул фигуру подвижника и подошел вплотную, чтобы положить в открытый высохший рот шиваита несколько долек манго, которое он только что разрезал большим охотничьим ножом. Не опуская камеры, Максим с любопытством смотрел, как кусочки фрукта продолжают лежать на сером высунутом языке. От святого подвижника исходил невыносимый запах стойла, и подошедший было вплотную блогер благоразумно отступил назад.

– Когда-то, очень давно, – пустился в воспоминания малаец, – я жил в этой деревне, и тогда уже он стоял здесь. Когда из деревни все ушли, он остался стоять. Иногда я приезжаю его навестить. Кормлю его, хожу за ним. Так и стоит все время молча. Великий подвиг!

– А вдруг, когда ты уезжаешь, он вынимает трезубец из губы, разминает ноги, набивает брюхо бананами и идет себе спать?

– Нет, здесь все по-настоящему, без обмана, – покачал головой гид. – Вот, смотри!

Малаец указал на ноги подвижника, и Макс, переведя вниз взгляд, а вместе с ним и камеру, увидел, что стопы шиваита буквально вросли в почву, и поверх земли разрослась густая трава. Согнувшись, чтобы запечатлеть на камеру это чудо, блогер заодно почесал себе ногу у самой кроссовки, там, где на лодыжке начиналось татуированное щупальце кракена, подробно набитого на всем его теле.

– Слушай, продай мне этого парня, – выпрямившись, вдруг проговорил Маслов. – Он же твой, я правильно понял?

– В каком смысле – мой? – изумился малаец.

– Ну, кроме тебя, он никому не нужен, ведь так? – гнул свою линию русский. – Я готов заплатить за него хорошие деньги. Понимаешь, у отца день рождения, он увлекается всякой восточной экзотикой, и было бы забавно привезти ему в подарок подвижника-шиваита. Этому парню все равно, где стоять. Так пусть стоит у нас. Мы бы его кормили, ухаживали за ним не хуже тебя.

– Нет, ни в коем случае! – как вспугнутая птица замахал руками малаец. – Это мой бизнес. Единственный доход. Я нахожу тех, кому интересен мой шиваит, привожу сюда и получаю за это деньги. Очень хорошие деньги! Каждый день!

Окинув внимательным взглядом проводника и особенно задержавшись на его мокрой от пота футболке с изображением Пеле, блогер предложил:

– А хочешь, Дэвид, махнемся на спортивный костюм сборной СССР по хоккею? Родной костюм, советский. Теперь таких не делают. У тебя одного такой будет.

– Откуда у тебя костюм? – насторожился малаец.

– Так говорю же, отец – хоккеист. Константин Маслов. Может, слышал?

– Тот самый Маслов? Бомбардир? О! Твой отец не просто хоккеист! Он великий хоккеист! – восхищенно зацокал языком проводник.

Это было правдой. Нападающий Константин Маслов долгие годы играл в составе «красной машины» за сборную Советского Союза, удостоившись всевозможных наград и званий, затем блеснул в НХЛ и теперь, на пороге своего шестидесятилетия, по-прежнему деятельный и неутомимый, возглавлял спортивное агентство, специализирующееся на трансферах и консультационных услугах игрокам и клубам. Основные направления его деятельности заключались в селекции, юриспруденции, спонсорстве, маркетинге и пиаре, и в этом агентство Константина Маслова, несомненно, преуспело, принося своему владельцу немалый доход.

Собирать восточные редкости Константин Вадимович стал еще в детстве, и увлечение это началось с потерянной золотой подвески на длинном витом шнуре. Вещица принадлежала отцу-генералу, человеку пожилому, неразговорчивому и тяжелому в общении. Его нелюдимость и любовь к одиночеству доходили до того, что даже в глубокой старости отставной генерал брал ружьишко и, невзирая на время года, по несколько дней пропадал на охоте. Про подвеску он говорил маленькому Максиму, что это память о двух женщинах. Той, которая его любила. И той, которую любил он. В один из своих охотничьих вояжей старик пропал, и нашли его только весной, когда стаял снег, и стало понятно, что с незадачливым охотником позабавился поднявшийся из спячки медведь-шатун.

Позже к подвеске добавились диковины, привезенные уже самим хоккеистом из-за океана, и к настоящему времени это было вполне серьезное собрание восточных редкостей. Конечно, ни о каком одичалом садху² владелец коллекции не мечтал, но неумная фантазия Максима уже рисовала изумление на лице отца, которое возникнет при виде его подарка. Блогер уже представлял себе, как привезет столпника домой, как поставит у папы в кабинете, а может, и в гостиной и станет всем показывать и рассказывать про великий «подвиг» шиваита.

– Так что, даже бомбардиру Маслову не продашь? – кротко глядя на малайца, уточнил блогер.

– Хорошие деньги – это сколько? – наморщив лоб, не к месту осведомился проводник.

Макс достал из портмоне внушительную пачку банкнот и, продемонстрировав интересующемуся, проговорил:

– Как справедливо заметил Виктор Гюго, в чужой стране путешественник – мешок с деньгами, который все норовят побыстрее опорожнить.

– Пойдем, – секунду поколебавшись, решительно приказал гид, пропуская мимо ушей афоризм французского классика.

И, приминая высокую траву, направился к белому конусу. Недоумевая и на всякий случай включив камеру, ибо на момент торга предпочел ее выключить, блогер двинулся за ним. Они шли друг за другом, оба невысокие и похожие на подростков, дочерна загорелые, различающиеся лишь цветом волос. Из-под бейсболки славянина выбивался выгоревший до льняной белизны чуб, в то время как черноволосый малаец привычно обходился без головного убора. Продираясь сквозь заросли, парни подошли к деревянному слону. Малаец освободил из травяного плена валяющийся у слоновьей ноги бивень и, обернувшись, с надеждой спросил:

² С а д х у – так в индуизме называют аскетов, святых и йогинов, отринувших три цели жизни индуистов – каму (чувственные наслаждения), артхи (материальное развитие) и дхарму (долг).

– Бивень Ганеши великому Маслову не нужен?

– Не нужен, – категорично отрезал блогер, с разочарованием осматривая протягиваемую гнилушку, ибо полагал, что гид привел его сюда именно за этим.

Но он ошибся. Сбив ногой буйную траву и вытоптав небольшую площадку, малаец приблизился к высоким запертым дверям и, повозившись с навесным замком, сноровисто его отпер при помощи ножа. Затем потянул на себя тяжелую, просевшую дверную створку, с трудом преодолевшую сопротивление травы, и заглянул в просторный зал, скрывавшийся внутри белого конуса. Пахло затхлостью и лежалыми благовониями. Следуя за проводником, Макс зачарованно крутил головой по сторонам, рассматривая поблекшую роспись стен, резные, с щербинами, цветы на колоннах и слушал пояснения:

– Это храм господина Шивы! Сейчас святилище заброшено, а много-много лет назад было невероятно знаменито. Здесь танцевали грациозные девадаси³ и совершались кровавые жертвоприношения.

– Прямо здесь и совершались? – недоверчиво переспросил Маслов, снимая интерьер заброшенного храма.

– Вот на этом самом алтаре, – малаец горделиво указал на каменное возвышение, покрытое толстым слоем пыли.

Приблизившись к алтарю, Максим с уважением провел рукой по холодному камню и двинулся в обход, интересуясь, что находится позади. Он обошел каменный помост и, заглянув в нишу, обнаружил черный лакированный ящик размером с коробку от посудомоечной машины. Лак на ящике потрескался от старости, роспись потускнела. Пока россиянин рассматривал странные отверстия на всех его четырех стенках, гид уже заходил с другой стороны.

– Помогай, – кряхтя, распорядился он, хватая ящик за бока и вытягивая из-под алтаря.

– Что там? – оживился Маслов. – Предметы индуистского культа? Обрядовая утварь?

– Сейчас увидишь, – пробормотал малаец. – Это я готов тебе продать. За хорошие деньги.

Заинтригованный, Макс потянул за свою сторону, извлекая ящик на свет, скупно падающий на каменные плиты пола из маленьких стрельчатых окон. Проводник хозяйским жестом откинул крышку, демонстрируя товар лицом. Вдохнув крепкий запах сандала, Максим нетерпеливо заглянул в темное нутро ящика и с недоумением воззрился на малайца, ибо ничего, кроме чего-то пегого, спутанного, похожего на мочало, не увидел.

– Что это? – растерянно выдохнул покупатель.

– Не что, а кто, – заулыбался гид. – Это садху. Святой подвижник.

– Еще один? – недоверчиво прищурился блогер. – А его ты почему за деньги не показываешь?

– Я пробовал показывать. Этот неинтересный, любителей на него нет. Смотреть смотрят, но денег не платят. Можешь его купить.

– Давай хоть вынем твоего садху из упаковки, я посмотрю, что покупаю. А то, кроме макушки, ничего не видно.

Малаец бесцеремонно ухватил святого отшельника за пегую гриву и с силой потянул вверх.

– Аккуратнее, – заволновался Макс, с тревогой наблюдая, как гид вытягивает из ящика похожую на мумию иссохшую фигуру, много десятков лет назад застывшую в позе лотоса.

– Что ему сделается? – беспечно откликнулся продавец.

– Он живой? – с сомнением в голосе протянул покупатель, заглядывая в застывшее шоколадное лицо отшельника.

– Живой, – уверенно кивнул малаец. – Это йогин, кудесник. Просто принял обет, потому и кажется мертвым. Не веришь? Вот, смотри!

³ Д е в а д а с и (*санскрит*) – дословно – рабыня бога, храмовая танцовщица, занимавшаяся священной проституцией.

Продавец вытащил булавку и быстро уколол йогина в сухую руку. И тут же на смуглой коже садху выступила алая капелька крови.

– Это твоя кровь, – недоверчиво прищурился Маслов.

– Сам уколи, – протянул булавку малаец.

Максим взял булавку и ткнул в выложенную на бедро ногу шивопоклоннику. И тут же увидел на кончике иглы кровавый след.

– Ты видишь? Это его кровь! Садху!

– Ну да, наверно, – нехотя согласился блогер. – И чем ты его кормишь?

– Его я не кормлю. Ему не надо.

– Вот и славно, меньше хлопот, – обрадовался россиянин, подхватывая легкого и сморщенного, как полая тыква, йогина и упаковывая его обратно в футляр. – Этот подарок отцу гораздо больше понравится. Хотя бы не смердит.

Подхватив ящик с двух сторон, парни устремились к выходу из храма. Солнце скрылось за гору, повеяло сыростью.

– Макс, давай скорее, сейчас как ливанет, – подгонял малаец, отстраненно наблюдая, как, вытряхнув подвижника и усадив его на траве, блогер любителю покупкой, со всех сторон направляя на него камеру. Само собой, с транспортировкой подарка могли возникнуть проблемы, но Макс планировал отправить ящик с дипломатической почтой, ибо в консульском отделе трудился его хороший приятель Сева Бутырцев.

– Не торопи меня, Дэвид, мне же надо снять парнишку на пленэре, – отмахивался Макс, слоняясь вокруг застывшей в позе лотоса фигуры.

– Я не хочу попасть под дождь. В джунглях – то еще удовольствие. Ты оставайся, я поехал, – малаец решительно двинулся к красному «Suzuki», и только тогда Маслов свернул видеокамеру и принялся торопливо убирать свое приобретение обратно в футляр.

Когда окислившись от времени медные клипсы на крышке были защелкнуты, путешественники укрепили лакированный ящик на сиденье так, чтобы оставалось место для Макса, и, то и дело поглядывая на затянутое тучами небо, тронулись в обратный путь.

Малайзия, о. Суматра, 190... год

Сита всегда знала, что так и будет. Знала с того самого момента, когда чумазой голодной девчонкой переступила порог затерянного в лесу храма, к которому отец целый день вел ее через джунгли. Они вышли с первыми лучами солнца и долго пробирались по едва заметной тропинке, проложенной пилигримами через непроходимые заросли, и отец виновато говорил:

– Ты не должна ничего бояться, девочка. Если Шиве будет угодно, бог разрешит тебе остаться в его доме и танцевать для него. Я видел, как ты танцевала на празднике урожая. Ты очень красиво танцевала. Я думаю, Шиве тоже понравится.

На празднике урожая Сита вместе с другими детьми всего лишь кружилась под звуки ситара, но слова отца придали ей уверенности в собственных силах и наполнили сердце гордостью. Танцевать для Бога! Такой чести мало кто удостоивается.

– А когда вырастешь, Шива возьмет тебя в жены. Ты станешь совсем как Парвати, будешь носить тонкое сари, расшитое золотом, богатые украшения и станешь почти что Богиней.

– Это правда, папа? – с восторгом прошептала девочка, запрокидывая голову и доверчиво глядя на отца. – За что мне такое счастье?

Высохший от работы и голода индус крепко сжал мягкую ладошку дочери и тяжело вздохнул. Меньше всего он хотел расставаться со своей любимицей, но после гибели двух старших сыновей, помощников и основных кормильцев, у них с женой на руках осталось двенадцать детей, десять из которых были девочками. Когда заболел еще один сын, надежда и опора

семьи, мать отправилась за советом к деревенскому колдуну. Тот загнал за плетень принесенную женицной курицу, раскинул перед хижинной гадальные кости и объявил, что несчастья оставят их семью только тогда, когда одна из дочерей станет девадаси.

Старшие девочки помогли матери в поле, поэтому выбор пал на самую младшую, Ситу. Озорная, подвижная, со смышленными глазами на миловидном личике, она с утра до вечера носилась по деревне, словно обезьянка, карабкаясь по деревьям, чтобы пожевать сладкой смолки и покачаться на ветках. Сердце отца больно сжималось, когда он представлял себе, что его чудесную малышку постигнет судьба храмовой танцовщицы. Да, красивые наряды, дорогие украшения и вкусная еда – но что от нее потребуют взамен!

Искоса поглядывая на дочь, отец в душе лелеял надежду, что Сита жрецам не понравится и слугители культа великого и грозного Шивы прогонят их домой, как это часто случалось с другими их односельчанами, пытавшимися пожертвовать дочь Божеству или попросту продать в храм, чтобы выручить немного денег. Несколько раз отец останавливался у антрацитовых лужиц, склонившись, зачерпывал ладонью теплую жирную грязь и мазал ею хорошенькое личико малышки. Сита отфыркивалась и смеялась – ей казалось это игрой. Но на тот случай, если жрецы все-таки сочтут его дочь подходящей для Шивы, отец старался облегчить тяжесть расставания и рассказывал Сите чудесные сказки про волшебный мир, куда ей предстоит попасть.

Так, увлекая Ситу за собой и следуя едва заметным ориентирам, индус пробирался по узкой тропинке сквозь мангровые болота до тех пор, пока перед ним не открылась залитая солнцем поляна, посреди которой возвышалась белоснежная громада храма Шивы, сработанная из искрящегося в закатных лучах белого кварца. Перед высокими, украшенными резьбой сандаловыми дверьми красовалась статуя огромного слона, расписанная яркими красками, и девочка испуганно косилась на изваяние все то время, что отец тащил ее, упирающуюся, ко входу в святилище.

Неподалеку от храма виднелись жалкие лачуги, в которых находили приют странники. Шафрановыми тогами бродячих йогин-садху с горизонтальными белыми полосами на лбу была заполнена поляна перед храмом, и Сита жалась к ногам отца, дичась чужих, незнакомых людей с безумно горящими глазами, творящих диковинные вещи. В основном это были мужчины, но изредка встречались и женщины, одетые в праздничные одежды. Странники приходили по уходящей в лес неширокой дороге, ведущей к городу. Некоторые ехали в тележках, запряженных зебу, но большая часть паломников передвигалась пешком. Многие ползли на коленях, на четвереньках или по-пластунски, извиваясь, как змеи, на животе, в зависимости от того, какой дали обет.

Сита во все глаза смотрела на безумцев, но стоило им с отцом только войти в храм, тут же забыла о них, ибо среди резных колонн, дымящихся благовоний и золотого убранства увидела Шиву, стоящего у алтаря. Он был лет на десять старше Ситы и так красив, что девочка даже зажмурилась, чтобы глазам не было больно. Но и тогда перед мысленным взором ее лучился образ прекрасного божества с гибким станом, щедро украшенным блестящими ожерельями, в тонких шелковых шароварах цвета небесной лазури и с золотыми бубенчиками на ногах. Вот бубенчики зазвенели, и девочка открыла глаза, поймав на себе внимательный взгляд его тонко подведенных глаз.

Шива вместе с лысым жрецом шел в их сторону, и Сита едва смогла уловить момент, когда отец бросился жрецу в ноги, увлекая ее за собой. Неожиданно девочка оказалась распростертой на грязном каменном полу, и прямо перед ее лицом были тонкие лодыжки юного бога с покачивающимися бубенчиками.

– Чего тебе надо? – неприветливо выдохнул жрец, застывая перед лежащими.

– Моя семья желает посвятить нашу младшую дочь великому богу Шиве, о слугитель Небеснорожденного! – заискивающе подняв лицо и все еще не вставая с пола, благоговейно прошептал отец.

Нога бога была так близко, что Сита тронула пальцем один колокольчик и, лукаво взглянув на Шиву, тихо засмеялась. Он тоже ответил ей улыбкой, и сердце девочки сладко сжалось от опьяняющей радости. Она ему нравится! Шива захочет сделать ее своей женой!

– Ну-ка, встань! – распорядился жрец, бесцеремонно пихая Ситу обутой в сафьяновую туфлю ногой, и она ощутила острый запах рыбы. – Покажи, что умеешь!

Девочка поспешно вскочила на ноги и, кидая озорные взгляды на Шиву, с готовностью принялась кружиться вокруг себя, притоптывая босыми пятками по неровным храмовым плитам. Лоснящееся лицо жреца приняло скучающее выражение. Коротким взмахом руки он приказал девочке убираться с его пути и, даже не взглянув на поднявшегося на ноги отца, неторопливо двинулся дальше. Шива устремился за ним, на ходу говоря:

– Мануварьяджи, ты зря не взял девочку. Я вижу в ней задатки девадаси.

– В самом деле? – удивился жрец. – А мне она показалась слишком костлявой и угловатой.

– Да, но ее глаза! Они так и лучатся внутренним светом! А для храмовых танцовщиц это самое главное.

– Ну что же, Камал, тебе виднее. Ты занимаешься с девочками танцами, тебе и решение принимать.

– Я думаю, малышку нужно взять, из нее обязательно выйдет толк. Если, конечно, она будет стараться. Ты будешь стараться? – обернулся он к Сите.

– Очень-очень! – горячо воскликнула девочка, пожирая бога глазами.

Сита не особенно удивилась, что жрец называет его не Шива, а Камал, рассудив, что жрецу виднее, и охотно вложила ладошку в протянутую руку юноши. Это уже потом она узнала, что Камал такой же слугитель храма, как и остальные жрецы, музыканты и танцоры, и его задача состоит в том, чтобы учить будущих девадаси искусству танца, которым сам он владел в совершенстве, исполняя на праздниках роль Бога.

Больше всего Сита любила смотреть, как танцует Камал. Каждый жест, взгляд, поворот его тела были филигранны, отточены до автоматизма. Глаза, руки, лицо – все жило своей, отдельной жизнью, каждая мышца рассказывала историю любви, страсти, гнева или битвы, о которых повествовал исполняемый танец. Глядя на кружащегося в экстазе танцора, девочка думала, что не научится так танцевать никогда, и в первые дни много плакала от боли во всем теле, не проходящей усталости и ощущения собственной никчемности. В просторном зале для репетиций она стояла в длинном ряду своих сверстниц, неуклюже повторяла за ними знакомые движения, и слезы отчаяния помимо воли катились по ее щекам. Сите хотелось все бросить – чистое хлопковое сари, вкусную еду, мягкую постель и убежать домой, к черствым лепешкам, соломенной подстилке и свободе.

Но мысль о том, что не за горами тот день, когда Шива возьмет ее в жены, придавала сил. В образе Шивы она неизменно видела Камала. Танцор занимал все ее мысли, и, понимая, что Камал не меньше самой Ситы радуется ее успехам, девочка делала невозможное, отрабатывая фигуры танца даже тогда, когда ее подруги отдыхали. За благосклонный взгляд Камала она готова была отдать жизнь. Видя старания девочки, Камал подбадривал Ситу приветливым словом и доброй улыбкой, которую Сита принимала за особое расположение к себе. Как-то, когда девочки отдыхали после утренних занятий, в спальню вошла Аурита, высокая немолодая женщина из бывших девадаси. Почти все храмовые танцовщицы, закончив танцевальную карьеру, оставались в храме на самых разных работах – кто-то при кухне, кто-то в прачечной, а некоторые, вот как Аурита, ведали храмовыми обрядами.

– Младшие девочки, кто еще не знает, предупреждаю, внимательно следите за своими сари! – строго проговорила наставница, останавливаясь между разбросанными по полу ватными матрацами, на которых спали будущие девадаси. – Как только на сари появятся первые следы крови – сразу бегите ко мне! Будем готовить вас к церемонии бракосочетания.

Когда за наставницей закрылась дверь, Сита срывающимся голосом проговорила:

– Как же я хочу побыстрее стать женой Шивы!

– Глупенькая, это суицид! – выдохнула Рия. – Меня посвящал жрец Мануварьяджи. От него воняет, как от старой обезьяны.

– А меня будет посвящать Камал! – уверенно проговорила Сита.

– Мечтай, – усмехнулась старшая подруга. – Все мы думаем, что это будет Камал, но мало кому везет на самом деле.

– Но я же вижу, что я ему нравлюсь! – упрямылась Сита.

– Об этом нельзя даже думать! – зашептала девушка. – В этих стенах никто никому не должен нравиться. Камал, так же, как и мы, принадлежит только Шиве! Отступников ждет смерть!

И, понизив голос так, что ее можно было расслышать лишь с очень большим трудом, выдохнула:

– Разве ты не помнишь, что стало с Яиви?

Это имя было запрещено произносить в стенах храма, ибо сразу же после посвящения храмовая танцовщица Яиви задумала побег. Отсутствие девушки сразу же заметили, жрецы и служители пустились в погоню и поймали несчастную прямо за воротами храма. Наказание было ужасным. Все без исключения обитатели храма присутствовали на церемонии кары, и Сита с содроганием смотрела, как ритуальный нож легко отделил красивую головку беглянки от хрупкого, облаченного в свадебные одежды тела. Девочка видела, как в этот момент соскользнул на алтарь витой инур – тали и как блеснул гравировкой медальон с новым именем, присвоенным Яиви при посвящении – Кави Кучинг⁴. Сита содрогнулась, но взгляда от залитого кровью алтаря не отвела, ибо понимала, что это справедливо – все, что принадлежит Шиве, должно вернуться к Богу. И витой инур – тали, с выбитым на медальоне новым именем непокорной жены бога, и ее горячая голова. Так поступали с каждой девадаси, осмелившейся нарушить закон.

– К тому же сам Камал ничего не решает, – шепотом продолжала Рия. – Храмовые служители тянут жребий. Если Шиве будет угодно, тебе выпадет Камал.

С этого дня девочка молила Шиву, чтобы он послал ей Камала. И вот настал долгожданный момент, когда она заметила на своем сари кровавые следы. К этому времени Сита превратилась не просто в прекрасную танцовщицу, но и в красивую девушку с озорными глазами, игривыми манерами и соблазнительными формами.

– Она будет лучшей девадаси за все время, что существует наш храм, – глядя на танцующую Ситу, качали головами жрецы. – И самой дорогой! Принесет храму немалую прибыль и с лихвой окупит затраты на свое содержание.

Танцовщица лишь улыбалась на похвалы, не понимая, что жрецы имеют в виду. Она не знала, что основная задача девадаси состоит вовсе не в танцах во имя Шивы. Пришедшие на праздник могут выбирать, с кем из храмовых танцовщиц они хотели бы уединиться для ритуального совокупления, чтобы на несколько минут стать самим Шивой, ибо возлечь с женой Бога может только Бог. За красивых и умелых танцовщиц жрецы взымали немалую плату, но были и провинившиеся девадаси, предназначенные почти задаром для нищих и калек. Стать такой считалось не только позором, но и означало обрести скорую смерть, заразившись дурной болезнью или попав под горячую руку безумца.

⁴ Кави кучинг (малайский) – волшебная кошка.

В день посвящения, назначенный храмовыми астрологами, Сита вошла в изученное до мелочей святилище Шивы в расшитой серебром оранжевой кофточке и в такого же цвета складчатой юбке, схваченной на бедрах небесно-голубым поясом-шарфом, завязанным на животе красивым узлом и спадающим длинными концами до самого пола. Ручные и ножные браслеты были унизаны серебряными подвесками, шею охватывала широкая золотая гривна. В дверях ее уже ждали.

Аурита взяла девушку за руку и повела к алтарю. Сита шла следом за наставницей и не замечала ни богато украшенных цветами храмовых стен, ни курильниц, из которых тянулись к потолку ароматные струйки дыма. Она смотрела лишь на выстроившихся в шеренгу вдоль алтаря жрецов, пытаясь угадать, кого не хватает. Значит, отсутствующий и станет ее ритуальным мужем, исполнив роль Шивы. Сита скользила глазами по суровым мужским лицам и с радостью понимала, что на ее посвящение пришли все, кроме Камала.

Наставница подвела девушку к верховному жрецу, и он жестом приказал Сите раздеться. Как только детали туалета одна за другой упали к ее ногам, один из жрецов вложил в руки посвящаемой трезубец – символ власти Шивы. Другой жрец принялся читать священные тексты, а третий, взяв острый стек, стал обмакивать его в сандаловую пасту и наносить на плечи, грудь, руки и бедра девушки сакральные рисунки. Сочетаясь браком с Богом, Сита крупно дрожала всем телом и, не веря до конца своему счастью, тревожно переводила глаза с одного слугителя храма на другого в поисках Камала, уговаривая себя, что, должно быть, танцор здесь, но она его просто не видит. Но учителя танцев среди остальных по-прежнему не было, и девушка трепетала всем телом, надеясь на скорую встречу с любимым.

После того как первый жрец забрал из рук ее трезубец и с поклоном возложил на алтарь, второй жрец надел на шею девушки тяжелую благоухающую цветочную гирлянду, два других слугителя Шивы взяли ее за руки и повели в глубину храма. Распахнулась низкая дверь, и Сита ощутилась в маленькой комнатке, в которой ни разу раньше не была. Обстановка поражала роскошью. В центре возвышалась огромная кровать сандалового дерева с серебряной инкрустацией, поверх которой покоилось шелковое покрывало с пышными кистями. Персиковый цвет его эффектно сочетался с бордовыми бархатными подушками и такими же бархатными занавесями на окне. Шагнув в комнату, будущая девадаси ощутила босыми ступнями пушистый мягкий ковер. Интерьер и в самом деле достойный «жены бога»!

Играя свою роль, жрецы с поклоном удалились, а Сита приблизилась к серебряной чаше возле кровати и совершила ритуальное омовение. И замерла в ожидании, не отрывая тревожного взгляда от маленькой двери. Дверь приоткрылась, и вошел он! Камал! Отливая перламутровой белизной, казавшейся еще ярче на смуглой коже, его грудь украшало массивное жемчужное ожерелье. Руки чуть выше локтей обхватывали золотые браслеты. В черные длинные волосы были вплетены разноцветные шнуры, а тонкую талию обвивал красный пояс. Сита всегда знала, с самого первого дня, когда только переступила порог храма, что именно этот юноша, так успешно изображающий Шиву в танцах, станет ее мужем!

Не испытывая ни малейшей неловкости, Камал подошел к ложу и, глядя на Ситу так, как смотрел на нее, когда обучал танцам, зажег серебряную курильницу, и по комнате поплыл сладковатый одурманивающий дымок.

– Дыши глубоко, Сита. И, если хочешь, пожуй.

Камал протянул чашку с темными, остро пахнущими корешками.

– Это туманит сознание и притупляет боль.

Но Сита хотела сохранять ясность мысли, чтобы запомнить каждый миг, проведенный с Камалом, и потому отрицательно качнула головой. Тогда он поставил чашу на низкий столик и, шагнув к Сите, снял с шеи девушки цветочную гирлянду. Повинуясь взгляду ритуального мужа, Сита легла на кровать, с трепетом наблюдая, как рядом с ней вытягивается на ложе Камал.

– Слияние лингама и йони объясняет природу всех вещей, – проговорил наставник. – Это жертвоприношение, его не надо бояться. Есть глупцы, которые находят в этом что-то грязное, но на то они и глупцы, чтобы не видеть очевидного. Лингам в йони так же естественен, как утренняя роса на цветке. В эти минуты ты целиком посвящаешь себя Шиве. Давай я натру тебя благовонием.

Юноша плеснул на ладонь немного душистого масла и принялся втирать его в стройное тело Ситы, постепенно приближаясь к сокровенным местам. Почувствовав пальцы Камала там, где ее никто никогда не трогал, Сита задрожала от охватившего ее стыда и какого-то нового, неизведанного чувства, от которого сладко сжалось внутри. Пару секунд Сита сдерживалась, но, не в силах устоять и не помня себя от страсти, поддавалась нахлынувшему желанию. Волны наслаждения подхватили ее и увлекли в таинственный мир взрослой жизни. «Как прекрасно, когда лингам соединяется с йони!» – думала она, неотрывно глядя в напряженное лицо Камала и следуя божественному ритму, который он задавал. Но вот Камал вздрогнул, широко раскрыл глаза, с удивлением взглянул на Ситу и на несколько секунд затих.

– Камал, тебе хорошо? – Голос Ситы звучал приглушенно.

Откинувшись на подушки, девушка с нежностью смотрела на своего любимого, ожидая ответа, но тот быстро пришел в себя, деловито завершил обряд, надев ей на шею вместо снятого ранее цветочного венка витой шнур с золотым медальоном. Сита перевернула медальон и прочла: «Мата Хари»⁵.

– Красивое имя, – улыбнулась она, приглашая Камала разделить ее радость.

– Ну вот, Мата Хари, теперь ты стала настоящей девадаси, – сухо проговорил Камал, поправляя ритуальное ожерелье на шее девушки и стараясь не смотреть ей в глаза. – Надеюсь, у Шивы не будет повода гневаться на тебя. А теперь ступай к Хемнолини, она преподаст тебе науку любви.

Слушая, как старая Хемнолини рассказывает о боге Каме и придуманных им позах для достижения наивысшего наслаждения, которое дарует любовь, девушка живо рисовала в воображении образ Камала, ибо никого другого рядом с собой и представить себе не могла. Но реальность оказалась далеко не так радужна, как виделось Сите. Буквально на следующий день после посвящения Мата Хари танцевала с другими девадаси на храмовом празднике, и на нее указал богатый брамин⁶ в длинном золотом дхоти⁷ с вышитой каймой. Паломник выглядел настолько отталкивающе, что в первый момент Сита наотрез отказалась уединяться с ним в ритуальной комнате. Но жрецы зашипели на нее, как рассерженные гуси, требуя немедленно пойти с брамином и исполнить свой долг.

– Какая невиданная дерзость! – возмутились они. – Девадаси отказывает просящему!

– Будьте к ней снисходительны, девочка еще слишком молода, – мягко увещевала жрецов добрая старуха Хемнолини, делая Сите страшные глаза.

Сита умоляюще смотрела на Камала, шиа зашиты, но тот молчал, соблюдая нейтралитет и демонстративно отвернувшись от строптивницы. Рыдая от собственной беспомощности, Сита покорно последовала за пузатым краснолицым богачом, то и дело утиравшим мокрым платком потеющий лоб и толстую бычью шею. Потный брамин долго мял ее тело липкими руками, а затем быстро и больно проделал с ней то же самое, что и Камал. Но это было совсем другое ощущение, прямо противоположное тому блаженству, которое Сита испытала с возлюбленным. Сжав зубы и крепко зажмурившись, она старательно скрывала охватившее ее отвращение, но брамин все равно остался недоволен. Выходя из ритуальной комнаты, где рыдала в подушку раздавленная девадаси, он презрительно обронил:

⁵ Мата Хари (малайский) – Око дня.

⁶ Б р а м и н (санскрит) – человек, принадлежащий к высшей касте.

⁷ Традиционный вид мужской одежды, распространенный в Индии.

– Девчонка не стоит ни единой рупии из той сотни, что я за нее заплатил!

Этим же вечером в комнату танцовщиц заглянул Камал и под недоуменными взглядами подруг поманил Ситу рукой. Девушка вышла из храмовой пристройки и устремилась к ожидающему в стороне Камалу. Думая, что он пришел ее успокоить и подбодрить, Сита обхватила его шею руками, намереваясь поцеловать, но юноша отпрянул в сторону, гневно сверкнув глазами.

– Что ты делаешь, безумная? – шепотом воскликнул он. – Ты гневись Шиву!

– Но ты – его воплощение! – горячо зашептала Сита. – Ты сам выбрал меня!

– Не я, а жребий!

– Но я же видела, что тебе со мной хорошо!

– И что с того? Даже если это так, мои эмоции не имеют ровным счетом никакого значения! Мы служим Шиве, и все наши чувства должны быть направлены только на него! Ты должна принимать паломников, любого, который на тебя укажет и сможет за тебя заплатить! Больного, кривого, прокаженного! На то ты и девадаси! А ты что сегодня устроила? Да еще смотрела на меня так, как будто я обязан был прогнать знатного брамина! Ты не должна больше этого делать! Ни в коем случае! Поняла? Иначе тебя ждет суровое наказание.

– Я не смогу лечь ни с одним мужчиной, если не буду уверена, что вечером упаду в твои объятия! – твердо сказала Сита, не отрывая решительных глаз от пылающего гневного лица Камала. – Разве Шиве станет хуже оттого, что мы с тобой будем счастливы?

– Глупенькая! Шиве, конечно, не будет хуже, но если узнают жрецы, нас с тобой убьют. Кроме ритуального соития, символизирующего первую брачную ночь Шивы и его жены, служителям храма строго запрещается вступать в связь с девадаси.

– Никто не узнает! Я буду приходить к тебе в комнату поздно ночью, когда все спят, и уходить, пока заря не окрасит небо в цвет лепестков роз!

Этой же ночью Сита проскользнула в комнату Камала легкой тенью и с восторгом любила избранника на жесткой циновке, ибо в комнате его царила атмосфера суровой аскезы. Помимо циновки на полу в крохотной камерке с каменными стенами и узким оконцем под самым потолком стояла лишь только жаровня для благовоний и небольшое, в половину человеческого роста, изваяние Шивы.

Когда Сита приходила к возлюбленному, она всегда накидывала на фигурку бога свое сари, интуитивно понимая, что божественному «мужу» ее связь с другим будет неприятна. Поверх сари она пристраивала символ супружеской верности, витой инур – тали с золотым медальоном, тем самым переставая быть Матой Хари и становясь самой собой, просто влюбленной юной Ситой.

Теперь она охотно отдавалась любому, представляя себе в эти мгновения, что лежит в объятиях Камала, и вскоре слава о красивой страстной девадаси дошла чуть ли не до Индии. В затерянный среди лесов Суматры храм приезжали паломники со всех уголков Индонезии, платили за нее много и охотно, поэтому, когда Мата Хари забеременела, ей выделили запряженную зебу повозку, которой правил старик-музыкант, ныне присматривающий за животными. Еще дали мешочек с деньгами и отпустили в деревню навестить родных. Вся деревня выбежала смотреть на прелестную госпожу в тонких богатых одеждах и с дорогими украшениями, едущую между хижин по единственной улице.

– Смотрите! Смотрите! – раздавалось со всех сторон. – Это же Сита! Та самая маленькая Сита, которую родители посвятили Богу!

Когда зебу остановился перед покосившейся хижинкой, к Сите вышел костлявый беззубый старик и слезящимися глазами долго вглядывался в ее лицо, прежде чем признал свою младшую дочь.

– Сита! – воскликнул, наконец, отец, всплеснув руками. – Какая ты стала красавица! Да прибудет с тобой божественная благодать! Лишь благодаря тебе вся наша семья процве-

тает! Шива заботится о нас, как о любимых детях. Братья твои женились, сестры вышли замуж, и мы с матерью даже смогли собрать им приданое. А старшая, Васанта, служит у белого сахиба. У самого главного сахиба⁸, коменданта города. Ты помнишь Васанту?

– Да, папа, помню, – вытирая набезжавшие на глаза слезы, всхлинула девушка. – Скоро у меня родится мальш, сын Шивы, и благодать нашей семьи усилится еще больше.

– Это хорошо, – обрадовался старик. – Мать стала часто прихварывать, как бы не разболелась всерьез, а то на поле некому работать. Но ты не думай, Васанта приносит еду, так что мы не голодаем, доченька.

Обеспокоенная Сита заторопилась в хижину и нашла матушку в сильнейшем жару. Прижав холодные губы к ее воспаленному лбу, девушка поднялась с циновки, вложила в сухую руку отца мешочек с деньгами и, взяв с него обещание, что старик пригласит к постели больной деревенского колдуна, двинулась обратно в храм. Проезжая по деревне, Сита бросала ласковые взгляды на возящихся у хижин мальшей, на покрикивающих на них мамаш и на отцов семейств, занимающихся рутинными делами. Лучшая девадаси храма боялась себе признаться, но ей ужасно хочется остаться в деревне и стать частью этого шумного людского муравейника.

Мата Хари разрешилась от бремени хорошеньким мальчиком, не сомневаясь, что отец его – Камал. Танцор радовался мальшю так искренне, что молодой маме стало казаться, будто они – одна семья и лишь по недоразумению почему-то живут в храме. Разве не могут они уйти отсюда и начать жить своей жизнью? Но когда девушка заводила об этом речь, Камал закрывал ей рот поцелуем, умоляя не гневить Шиву. После рождения мальши Сита по-прежнему каждую ночь навеждала любимого и однажды случилось то, чего так боялся Камал. Тесно прижавшись обнаженными телами, влюбленные шептали друг другу милье нежности до тех пор, пока не заснули. Проснувшись Сита оттого, что кто-то тряс ее за плечо. Открыв глаза, священная танцовщица увидела перекошенное от ужаса лицо Камала и, проследив за его взглядом, заметила заглядывающего в каморку жреца.

– Пошла вон! – грозно крикнул любимый Сите. И заискивающе забормотал, сползая с циновки и на четвереньках устремляясь к дверям. – Это все она! Это Мата Хари подговорила меня нарушить закон! В нее вселились ракшасы. Я искуплю вину, я принесу любую жертву, приму какой угодно обет, только пощади, о слугитель Небеснорожденного!

Гольый и жалкий, распластавшийся на полу, он вызвал у Ситы острый приступ отвращения. Девушка сидела на циновке, поджав под себя ноги и не скрывая своей наготы. Камал вдруг набросился на нее и стал выталкивать из каморки.

– Что расселась? Убирайся! Убирайся из моей комнаты!

Сита брезгливо отстранилась от трясущегося от страха юноши и, накинув на плечи сари и надев на шею витой инур с сакральным знаком, с достоинством вышла.

В тот же день о преступлении Маты Хари и Камала стало известно всем служителям храма. Ситу отстранили от ритуальных танцев, и она ждала своей участи в отдельной маленькой каморке, предназначенной для наказаний. Ближе к ночи за ней пришла старуха Хемнолини. Не глядя на девушку, старая девадаси надела на нее подвенечный наряд и повела в главный зал храма. Приближаясь к святилищу, Сита слышала, как захлебываясь, все громче и громче плачет ее мальш. А подойдя к дверям, увидела, что в зале собрались все жрецы, и Камал, положив их ребенка на алтарь перед двухметровым изваянием Шивы, с силой размахнулся и отсек головку младенца ритуальным ножом. Ребенок истошно вскрикнул и затих. Понимая, что такая же участь постигнет и ее, Сита оттолкнула старуху и, воспользовавшись неповоротливостью своей провожатой и всеобщим замешательством, кинулась бежать из храма прочь.

⁸ Сахиб (арабск.) – в Индии и Пакистане – белый господин.

Ночь выдалась темная, и Сита устремилась в джунгли. Девушка видела огни факелов и слышала, как перекрикиваются пустившиеся в погоню жрецы. Взобравшись, как в детстве, на дерево, она сидела тихо, как перепуганный лемур, дожидаясь момента, когда все утихнет и будет можно спуститься и продолжить путь. Сита со страхом слушала, как трещат мангровые заросли под ногами бегущих. Преследователи остановились под деревом, и голос Камала сказал:

– Клянусь Небеснорожденным, чего бы мне это ни стоило, в любом уголке земли найду и лично верну Шиве его неверную жену Мату Хари, ввергнувшую меня в грех и заставившую преступить закон.

Голос Камала был так страшен, что девушка, рискуя себя выдать, все же зашевелилась в своем укрытии, снимая с шеи тали и убирая знак жены бога в потайной кармашек. Так она больше не чувствовала себя преступной Матой Хари, которой поклялся отомстить Камал, а была лишь Ситой, несчастной испуганной девочкой, спасающей свою жизнь, и, значит, угрозы бывшего возлюбленного не имели к ней никакого отношения. Беглянка понимала, что в первую очередь ее станут искать в родной деревне, куда ее возил на запряженной зебу повозке старый музыкант, и потому думала обхитрить жрецов и отправиться не домой, а к старшей сестре Васанте, прислуживающей коменданту города – самому главному сахибу Медана.

Загорянка, наши дни

Шестидесятилетний юбилей Константин Маслов праздновал дома. Сначала хотел арендовать базу отдыха, но потом подумал – а дома чем хуже? Та же самая база отдыха, только никакой тебе администрации. Отдыхай, как хочешь, гуляй, пей, попей, – в общем, веселись. Да и мало где найдешь такой роскошный участок с мостом, перекинутым через пруд, с беседкой в соснах, с альпийскими горками и потрясающим видом на озеро.

Константин Вадимович окинул благостным взглядом открывающуюся с балкона озерную гладь, покрытую нежной утренней дымкой, втянул носом запах жюльена, летающий с кухни, где у плиты колдовала повариха Наталья, и, проведя пятерней по коротко стриженному ежику седых волос, запахнул полы халата и вернулся в спальню.

Шторы на окнах он не раздвигал, и в сумраке просторной комнаты лежащая на кровати Викуся выглядела сногшибательно. Молодая, длинноногая, с небрежными белокурыми локонами, вьющимися вокруг кукольного лица, в ажурном дорогом белье, она смотрелась девушкой с обложки. Ее точеное тело цвета слоновой кости эффектно выделялось на черном шелке простыни, и Маслов вдруг ощутил бешеное желание обладать ею.

– С днем рождения, Костенька, – с сильным прибалтийским акцентом, от которого еще сильнее закружилась голова, выдохнула искусительница. И призывно засмеялась, переворачиваясь на спину и вытягивая стройные ноги.

Оставив балконную дверь распахнутой, Маслов в предвкушении устремился к ней. Проходя мимо зеркала, не преминул, однако, кинуть на себя пыливый взгляд. «А я еще о-го-го, – молнией пронеслась обнадеживающая мысль. – Живот подтянут, и лицо не слишком помятое. Даже успел побриться, пока Викуся спала. Почему бы ей меня не полюбить?»

Их роман вспыхнул так внезапно и развивался так стремительно, что в первый момент Константин Вадимович даже не понял, как такое могло произойти. Викуся была на сорок лет моложе, но дело было даже не в возрасте, а в том, что Викуся – невеста сына. Перед самым своим отъездом в Малайзию девушку привел Максим, объявил, что любит Викусю и женится на ней сразу же, как только вернется. После чего оставил невесту дожидаться своего возвращения в компании с отцом и бабушкой и отбыл на чужбину, снимать очередной видеоблог. В первое время Викуся держалась особняком, большую часть времени проводя в шезлонге на

бортике бассейна, и Константин Вадимович особенно ею не интересовался, предпочитая не выходить к общему столу, а трапезничать в одиночестве, закрывшись в кабинете.

Когда в один из вечеров раздался стук в дверь, он даже не подумал о Викусе, решив, что это экономка Светлана пришла за указаниями либо матушка, соскучившись по скандалу, поднялась из своей комнаты, чтобы поучить сына жизни. Заранее недовольно хмурясь, Маслов открыл дверь и буквально подхватил упавшую в его объятия юную красотку. Викусю колотила крупная дрожь, раскрасневшееся лицо пылало от жара.

– Мне очень плохо, Константин Вадимович. Должно быть, я слишком много времени провела на солнце, – прошептала она с обворожительным акцентом, делающим ее особенно беззащитной.

Константин Маслов и в юности не мог бы причислить себя к дамским угодникам, а теперь и подавно. Его общение с женщинами утратило окраску интимности много лет назад, когда жена Лариса, настырно добивавшаяся его благосклонности, сбежала вскоре после рождения сына, оставив горький осадок обманутого доверия. С тех пор Маслов искренне полагал, что покинул большой секс, ибо, вспоминая скандальный характер Ларисы, острой потребности в спутнице жизни не испытывал и сторонился случайных связей, усматривая в них некий подвох и желание прибрать к рукам завидного жениха, каковым он себя считал. Впрочем, Маслов и в самом деле был далеко не беден. Блестящую карьеру хоккеиста он начал в ЦСКА и закончил в НХЛ, трижды став чемпионом мира, после чего вернулся на родину и открыл консультационное агентство, заодно возглавив и комитет ветеранов спорта. Возглавил и вскоре понял, что это золотое дно. Закупки комитета не облагались налогами, и к Маслову потянулись торговцы табаком и алкоголем, желавшие воспользоваться этой льготой. Коммерсанты щедро делились с главой комитета, и вскоре он смог не только обустроить по своему вкусу участок в Загорянке, но и купить несколько квартир в Москве, и даже дом в Испании и виллу на Кипре.

Когда Лариса только-только сбежала, находились советчики, уверявшие, что если бы Маслов женился, то было бы лучше для сына, ведь мальчишке необходима забота и ласка. Хотя Константин Вадимович и разъезжал по миру, надолго покидая дом, особой необходимости в супруге не видел, ибо Макса воспитывала бабушка. Правда, энергичная и шумная Нина Федоровна много времени уделяла работе в хирургической клинике, заведующей отделением и проводя по две операции в день. Когда настала пора идти в школу, мальчика отправили в интернат с углубленным изучением иностранных языков, и материнская забота окончательно стала ему без надобности. Затем Максим поступил в университет и, снова предоставленный самому себе, поселился в общежитии.

И только теперь, вступив в самостоятельную жизнь, перебрался в семейное гнездо в Загорянке, да и то не сразу. Сперва он жил в одной из многочисленных отцовских квартир, но уже через месяц самостоятельного проживания обострился нажитый еще во время учебы гастрит, и Маслов-старший, вдруг вспомнив о родительском долге, настоял, чтобы юноша перебрался в Загорянку. Дом был большой, и всем в нем хватало места. За порядком присматривала экономка Светлана, готовила кухарка Наталья, а вышедшая на пенсию бабушка следила за режимом дня, и три заботливые женщины не оставили гастриту Макса ни единого шанса. И вот наконец настал день, когда выросший сын привел в дом невесту.

И вот Викуся внезапно постучала в его комнату. Не дав девушке упасть, Константин Вадимович подхватил стройное сильное тело юной подружки Макса, от которой так сладко пахло ванилью и ландышем, увидел ее упругую молодую грудь, выглядывающую в вырез халата, и вдруг представил, как хорошо должно быть с ней в постели. Но, как человек порядочный, отогнал от себя греховные мысли и, взяв бедняжку на руки, понес к дивану, на котором частенько отдыхал от утомительных бумажных дел. Уложив занедужившую на прохладную кожу дивана, поспешил в ванную, к шкафчику с медикаментами, рассчитывая отыскать жаропонижающее. Но аспирина, как назло, не оказалось, хотя Маслов отлично помнил, что

совсем недавно ему под руки попадалась свежая пачка. И вдруг он поймал себя на мысли, что в глубине души даже рад пропаже лекарства, ибо теперь с полным правом может снять с Викусы тонкий халатик и растереть ее тело водкой, как делала мама, когда он болел.

Маслов вышел из ванной комнаты и увидел Викусю, метавшуюся в бреду. Халат с драконами распахнулся, выставив напоказ ее бедра, затянутые в бикини цвета иранской бирюзы – должно быть, девочку свалил недуг сразу же, как только она вернулась от бассейна – бедняжка даже не успела переодеться. Не мешкая, Константин Вадимович вынул из бара бутылку виски и, плеснув спиртное на ладонь, осторожно, точно боясь обжечься, провел рукой по обнаженному смуглому животу. Водя ладонью по загорелой бархатной коже девушки, он все больше и больше увлекался, тем более что Викуся всем телом подавалась навстречу его рукам, жадно ощупывающим ее живот, грудь, бедра, ягодицы и нежную зону промежности.

Он и сам не заметил, как вошел в нее и с остервенением, весьма неожиданным в его возрасте, овладел невестой сына. Когда все было закончено, бывший хоккеист почувствовал себя последним негодяем, воспользовавшимся беспомощным состоянием больной. Торопливо поднявшись с дивана, он заботливо поправил подушку под головой впавшей в забытие девушки, накрыл ее пледом и, почти бегом покинув кабинет, поспешил удалиться в спальню. Всю ночь бомбардир не сомкнул глаз, мучимый раскаянием, а утром открылась дверь, и вошла Викуся. Девушка выглядела совершенно здоровой, но Маслов этого не заметил, стараясь на нее не смотреть, ибо ждал упреков и справедливых обвинений. Загорелая красotka прошествовала к кровати и, опустившись на краешек, заговорила с милым латышским выговором.

– То, что вчера между нами произошло, Константин Вадимович, было прекрасно. Вы лучший мужчина в моей жизни.

– Костя, – хрипло выдохнул Маслов и, справившись со сбившимся дыханием, уже спокойнее продолжил: – Зови меня Костя, Викуся. И знаешь, давай без церемоний, на «ты».

– Да, хорошо. Не прогоняй меня, Костя, – Викуся умоляюще заглянула в его глаза. – Я не хочу с тобой расставаться, – голос девушки звучал слегка приглушенно, как будто она пребывала в сильном волнении.

Маслов был потрясен и раздавлен, ибо невеста сына, без сомнения, тоже была лучшей женщиной в его не слишком богатой сексуальной жизни. Пару секунд он колебался, затем придвинулся к краю кровати и, сгребая в охапку гибкое смуглое тело, прошептал:

– Иди сюда, девочка. Будет так, как ты скажешь.

Сколько ему осталось в этой жизни? Двадцать лет? Больше? Меньше? Так неужели он не может прожить эти годы счастливым, рядом с женщиной, которую жаждет всеми фибрами своей души? А Макс – что Макс? У него все впереди. Таких Викусь у сына будет сотня, если не тысяча. Ведь по большому счету Максиму все равно, Виктория рядом с ним или другая девица. Но уговорить собственную совесть получалось далеко не всегда, и тогда Маслов, дожидаясь возвращения Максима, становился с Викусей холоден и держался отстраненно.

– Хочешь, я рожу тебе сына? – как-то лежа в его объятиях, прошептала Викуся.

Нежный девичий шепот разметал сомнения в пух и прах. Возможность снова стать отцом потрясла бомбардира. Он вдруг захотел испытать давно забытое чувство, когда сын с восхищением смотрит на тебя и верит каждому слову. И ты для него непререкаемый авторитет. Отец. Папа. Папочка. Константин Вадимович сглотнул вставший в горле ком и, не в силах сдержать подступивших слез, сжал ее в объятиях и дрогнувшим голосом проговорил:

– На юбилее объявим о нашей свадьбе, котенок.

Узнав Викусю поближе, Маслов вдруг понял, что и в самом деле хочет видеть ее своей женой. Даже безотносительно к обещанию родить сына. Девочка мало знала, но отлично запомнила все, что он ей рассказывал. И постоянно проявляла интерес к его коллекции. А коллекция и в самом деле была замечательная, хотя и насчитывала чуть меньше десятка старинных восточных редкостей. Видя искренний интерес Викусы к трепетно собираемым предметам

искусства, Маслов расчувствовался и подарил ей уникальную вещицу, с которой началась его коллекция. Начало было положено много лет назад, когда еще жив и относительно здоров был отец, генерал Маслов. В отличие от шумной экспрессивной мамы Вадим Михайлович был стар, угрюм и неразговорчив, но в тот день наговорил столько, сколько Константин не слышал от отца за всю свою жизнь. Маленького Костю только-только зачислили в спортивную школу ЦСКА, и мать, принарядившись по этому случаю, достала из отцовского стола и надела золотой медальон на длинном витом шнурке. Они стояли в прихожей, собираясь идти в ресторан, и тут генерал взглянул на жену, переменялся в лице, сорвал с ее шеи украшение и, безумно вращая глазами, закричал:

– Не смей! Слышишь? Не смей трогать мои вещи! Режь в больнице свои аппендициты, а ко мне не лезь! Имей уважение, Нина! Ты мне во внучки годишься, и живу я с тобой только потому, что надо же с кем-нибудь жить! Но это не значит, что тебе позволительно заходить ко мне в кабинет и брать там все, что тебе заблагорассудится! Тем более – этот медальон! Эта вещь много для меня значит! Его носила женщина, которая любила меня. И отказалась принять в дар женщина, которую любил я. Я думал, что когда-нибудь встречу ту, которую полюблю так же сильно, как и... Впрочем, это не важно. Ты и сама знаешь, Нина, что тебя я не люблю. Перед тем как идти в ЗАГС, я честно тебе об этом сказал. Поэтому я отдам медальон сыну, чтобы Константин надел его на шею той, которую по-настоящему полюбит.

Отец вложил сорванное с шеи супруги украшение в маленькую ладошку мальчика, и Костик робко спросил:

– Па, я это Маше Смирновой из второго «А» подарю, можно?

– Дурак ты, сын, – прорычал генерал. – Спрячь. Вырастешь – решишь, как с ним поступить.

Константин и раньше знал, что отец не любит мать, но не подозревал, что настолько. После сцены в коридоре Нина Федоровна затаила обиду не только на мужа, но и на сына, и до сих пор Маслов ловил на себе сердитый взгляд старухи-матери, точно был в чем-то перед ней виноват. Справедливости ради стоит заметить, что Нина Федоровна смотрела так на всех после того, как ее попросили уйти на пенсию. Ей шел девятый десяток, рука была уже не та, и оперировать больше не представлялось возможным, а молодой интриган подсел к посту заведующей отделением.

Викторию старуха демонстративно не замечала. Накануне своего дня рождения Константин Вадимович спустился в столовую, где уже сидели за накрытым для завтрака столом Нина Федоровна и Викуся. Экономка суетилась у стола, стараясь угодить хозяйке. Старуха, поджав губы и чопорно оставив мизинец, мазала джемом поджаренный тост, собираясь откусать с чаем. Викуся со скучающим видом пила черный кофе без сахара и сливок.

– Доброе утро, мама, – сдержанно поздоровался Маслов.

Приблизившись к Викусе, нежно потрепал ее по щеке, проговорив:

– Хорошо выглядишь, котенок.

И, обернувшись к поджавшей губы Нине Федоровне, добавил:

– Мы с Викторией собираемся пожениться.

– То-то я смотрю, медальончик знакомый на шее у Максимовой невесты, – иронично прищурилась старуха. – Ей-то, бесстыжей, все равно. А вот как ты с сыном объясняться будешь?

– Ой, Нина Федоровна, только не надо делать из мухи слона, Максим поймет, – состроила утомленную гримасу Виктория.

– Остальные не поймут, – поднялась из-за стола старуха, в сердцах швырнув салфетку.

Высокая и крепкая, она обладала сильными мужскими руками, громовым голосом и резкими, бескомпромиссными суждениями.

– Мне нет дела до остальных, – решившись на конфронтацию, оборвал мать Маслов.

Ему и в самом деле было все равно, что скажут друзья и знакомые. Он твердо решил начать с молодой женой жизнь сначала. Весь день Нина Федоровна игнорировала их, делая вид, что в упор не видит, и бомбардир из чувства противоречия специально оставил у себя возлюбленную на ночь. Вот она, молодая и красивая девочка, его девочка, его счастье и судьба. Глядя на лежащую на кровати Викусю, призывно улыбающуюся яркими алыми губами, он опустился на колени и начал покрывать поцелуями нежное девичье тело, до конца не веря в свое счастье. Викуся обвила тонкими сильными руками его шею и притянула к себе. Страстно прильнула к губам и увлекла в омут страсти. И снова они любили друг друга на смятых шелковых простынях, и Маслов чувствовал себя молодым и жизненно необходимым этой малышке.

Блаженно вытянувшись после секса, он вдруг почувствовал небывалый прилив сил и неожиданно для себя понял, что больше всего на свете в этот момент хочет осчастливить свою девочку. Резво вскочив с кровати, скомандовал:

– Умываться, одеваться, завтракать и бегом по магазинам! Хотя нет! Сначала – в ЗАГС, подадим заявление! Затем поедем в центр и купим тебе шикарное платье, лучшие туфли – в общем, все, что нужно для сегодняшнего вечера. Хочу, чтобы ты у меня была самая красивая!

– Я думала вечером надеть твой подарок, тот самый золотой медальон, – мило коверкая русские слова, начала Викуся. – Но у него шнурок такой необычный, красно-белый. А у меня ничего красно-белого нет, ни сережек, ни браслета.

– Поехали, все купим. И кольцо с рубинами и бриллиантами, и браслет, и серьги.

Девушка подскочила с кровати и, радостно смеясь, кинулась на шею имениннику.

– Как странно получается! – целуя именинника в свежевыбранные щеки, выдохнула она. – У тебя день рождения, а подарки получаю я!

– Ничего странного, – смущенно отмахнулся Маслов. – Знаешь, как в добром старом мультике?

И он хрипло пропел, подражая волку из «Ну, погоди!»:

– Лучший мой подарочек – это ты!

И уже другим, обычным голосом спросил:

– Омлет на завтрак будешь?

– Я кофе выпью, – откликнулась Викуся.

Чтобы лишний раз не встречаться с Ниной Федоровной и не ловить на себе ехидные взгляды матери, Маслов спустился на кухню и попросил экономку принести завтрак в кабинет.

– Да, конечно, – приветливо кивнула улыбаясь Светлана, отставляя в сторону чашку с недопитым чаем. Заговорщицки переглянулась с поварихой Натальей, застывшей у плиты, нырнула под стол, вытащила бумажный пакет с надписью «Поздравляю!» и, моргнув Наталье, с вдохновением запела: – С днем рождения вас!

Повариха тут же напористо подхватила:

– Поздравляем мы вас! С днем рождения, с днем рождения, Константин Вадимыч, с днем рождения вас!

– Спасибо, девочки, – прочувствованно произнес Маслов, принимая подарок. – Очень, очень тронут.

Наталья служила в доме Масловых немногим меньше года, готовила поистине великолепно, и даже привередливая Нина Федоровна по большей части бывала ею довольна. Именно повариха и привела в дом Светлану, когда после скандала с гусями и курами уволилась предыдущая экономка. Выйдя на пенсию, привыкшая к активной жизненной позиции, Нина Федоровна решила завести домашнюю живность. Она заказала вольеры, съездила на ферму и привезла по десятку гусят и цыплят. Малышей поселила в загончики и на этом сочла свою миссию оконченной. Остальные заботы о птичнике она возложила на плечи экономки. Но прислуга взбрыкнула, заявив, что устраивалась в приличный дом, а не на ферму, и тут же получила расчет. А уже на следующий день в доме появилась Светлана.

Светлана оказалась расторопна, добросовестна, прекрасно справлялась с птицами, и, надевая по утрам отлично выглаженные свежие рубашки, Маслов ловил себя на мысли, что с новой экономкой жизнь стала гораздо комфортнее. А теперь вот еще и подарок на день рождения. Несомненно, инициатива исходила от Светланы, ибо за время своего пребывания в доме поварахе ни разу не пришла в голову мысль поздравить хозяина ни с одним праздником. Маслов кинул внимательный взгляд на закипающие на плите кастрюли, перевел глаза на высышающуюся на столе грудку подготовленных к дальнейшей обработке продуктов для вечернего банкета и, довольный, помахивая бумажным пакетом, отправился в кабинет.

Поедая яичницу, Маслов листал подарок – роскошно изданный альбом по искусству Древнего Востока, показывая Викусе наиболее примечательные иллюстрации. Девушка пила кофе и внимательно слушала, мило склонив к плечу кудрявую белокурую головку и закусив белыми зубками пухлую нижнюю губу. Иногда она довольно удачно проводила аналогии между музейными редкостями и экспонатами коллекции Маслова, и Маслов в который раз подумал, что Викуся не только красива, но и умна. И заслуживает всего самого лучшего. В первую очередь того, чтобы стать его женой.

До Москвы доехали менее чем за полчаса, мчась на «Лексусе» по выделенной полосе для пассажирского транспорта с риском нарваться на штраф, зато объезжая вязкую пробку. Денег на штрафы Маслов никогда не жалел, считая, что правила придуманы для того, чтобы их обходить, а в такой день и подавно не хотел толкаться среди ползущих с черепашьей скоростью неудачников. Оставив машину на платной парковке, они с Викторией вышли к зданию Почтамта и двинулись по Чистопрудному бульвару, потом свернули в переулок и так шли, взявшись за руки, до Грибоедовского ЗАГСа.

Заполнение бланка заявления много времени не заняло, и новоявленный жених повез Викторию по магазинам. В дорогих бутиках он, не скрывая, любовался порывистыми движениями своей невесты, ее по-детски восторженными восклицаниями при виде понравившейся вещи и, ловя на себе насмешливые взгляды продавщиц, не испытывал ни малейшего раздражения, а только безмерное счастье. Остаток дня невеста провела в косметическом салоне, а Маслов умиротворенно дремал в холле, ожидая, когда из его и без того красивой девочки сделают богиню.

В Загорянку подъехали ближе к вечеру. На вымощенной площадке перед домом уже стояли автомобили гостей. Приглашенных было немного, только самые близкие люди. Дождаясь приезда именинника, они прогуливались с бокалами в руках по лужайке перед домом, а Нина Федоровна развлекала гостей светской беседой. Ее раскатистый бас гремел над поляной, как иерихонская труба. Нина Федоровна ходила от одного гостя к другому и, презрительно шурясь, насмешливо говорила:

– Хочу сразу предупредить, чтобы не стало для вас неожиданностью. Мой сын женится на невесте Максима.

Гости сокрушенно качали головами, делая вид, что верят, однако большинство из них думали, что старуха не в себе, и только правая рука и заместитель Маслова, Григорий Небаба, с удивлением переспросил:

– Как вы сказали, Нина Федоровна? Константин женится на Виктории?

– Да, Григорий Васильевич, не зря говорят – седина в бороду – бес в ребро, – по-лошадному фыркнула старуха, почувствовав заинтересованного слушателя. – Вы же знаете, как Костик неопытен с женщинами. В тридцать лет его окрутила прыткая фанатка, прошло еще тридцать лет, и ничего не изменилось – моего сына снова взяла в оборот беспринципная особа.

Они стояли перед искусственным прудом с ручными карпами коз, высовывающими пучеглазые головы из воды в надежде на подачку, и со стороны могло бы показаться, будто Нина Федоровна сердится на собеседника. Низенький круглый Григорий Небаба со склероти-

ческой сеткой на лиловых щеках и прокуренными до желтизны седыми усами был ровесником ее сына, но выглядел, словно муж Нины Федоровны.

– С чего вы взяли, что Виктория беспринципна? – привычно закуривая, удивился Небаба. Переспрашивать и подвергать все сомнению – это был его жизненный принцип. В советские времена Григорий Васильевич занимал ответственный пост в Министерстве физической культуры и спорта, знал все ходы и выходы, и бывший хоккеист сделал его своим замом только потому, что Небаба был способен выйти сухим из любой затруднительной ситуации. Доказательством тому служило его свое-временное заявление об уходе по собственному желанию, а не отставка за взятки или, не приведи господи, заключение под стражу. Как и Константин Маслов, Григорий Васильевич не был женат, и это сближало коллег, делая почти что приятелями.

– А вы считаете по-другому? – снова фыркнула Нина Федоровна. – Помилуйте, может ли порядочная девушка войти в приличный дом невестой сына, а замуж выскочить за отца? Куда уж дальше? Между нами говоря, я считаю, что за разврат нужно наказывать. Ведь как раньше было? На Руси потаскух мазали дегтем и вываливали в перьях. А на Востоке забивали камнями.

– Вы считаете, такие меры оправданны?

– Еще как! Я бы своими руками таким отщепенкам головы откручивала.

– Даже не знаю, что вам на это сказать, – замялся Небаба, пуская дым сквозь желтые от никотина усы, в попытке избежать неприятного разговора, бочком-бочком пятясь в заросли жасмина.

Нина Федоровна не собиралась менять тему беседы и тут же нашла замену беглецу. Вскоре ее раскатистый голос звучал с противоположной стороны лужайки, где толпились члены комитета ветеранов спорта, пришедшие поздравить руководителя.

– Я очень беспокоюсь за Максима, – громогласно жаловалась она. – Вы же знаете, какая у мальчика наследственность по материнской линии. Лариса употребляла наркотики и не отказалась от этой пагубной привычки даже во время беременности. Мне неприятно об этом говорить, но мой внук – латентный наркоман. Такие люди неадекватны. Узнав о предательстве Виктории, мальчик может сорваться с катушек и учинить любую глупость. Я врач с многолетним стажем, я знаю, о чем говорю.

Всем, кто был вхож в дом Масловых, бросалось в глаза негативное отношение старухи к Максиму. Внука бабка не любила и даже не скрывала этого. На фоне послушного рослого Костика, достигшего в спорте небывалых высот и поднявшегося довольно высоко по социальной лестнице, своевольный невысокий Макс казался ей жалким недоразумением. Внук не был приспособлен ни к какому серьезному спорту, занимаясь какими-то невнятными восточными единоборствами, не обладал слухом и голосом, не любил рисовать, предпочитая сутками торчать в Интернете, общаясь, по выражению Нины Федоровны, с такими же никчемными человекоподобными особями, как и он сам. А после того, как Максим отказался поступать в медицинский, сделав выбор в пользу факультета филологии, Нина Федоровна окончательно убедилась в его душевном нездоровье.

Мало того, Максим оказался еще и тунеядцем. После окончания университета работать по специальности он не планировал, заявляя, что ведет какой-то там блог и имеет от этого неплохой доход. Нина Федоровна категорически отказывалась понимать, как это можно, не отправляясь каждый день на службу, иметь стабильный доход и считать себя преуспевающим бизнесменом. Когда Макс привел в дом Викусю, старуха взглянула в ее порочные глаза и сразу почувствовала, что добром это не кончится. И вот теперь Нина Федоровна откровенно наслаждалась своей проницательностью, переходя от одного приглашенного к другому и посвящая чужих людей в невеселые дела семьи.

Въехавший в ворота «Лексус» сына Нина Федоровна не заметила и, перейдя к двум дамам, присевшим на скамейку под буйными зарослями ирги, заговорила:

– Вы слышали новость? Костик женится на Виктории! О чем он только думает! Эта девка приехала откуда-то из Прибалтики, то ли из Литвы, то ли из Латвии, а это другое государство! В любой момент она может унести из дома все, что ей вздумается, и никто нам ее не выдаст!

Дамы согласно кивали, с интересом наблюдая, как от гаража к ним направляется именинник под ручку с невестой.

– Мой сын сошел с ума, – гремела Нина Федоровна, – если решил жениться на чухонке, да еще в такой политически сложный момент!

– Мама, я прошу тебя уважительно отзываться о Виктории, – строго заметил Маслов, представ перед очами грозной родительницы и не выпуская Викусиной руки. И, обращаясь к собравшимся, громко проговорил: – Добрый вечер, друзья! Спасибо, что приехали! Я вижу, мама уже успела ввести всех в курс дела. Это действительно так, мы с Викторией женимся. Сегодня мы подали заявление. Ровно через месяц приглашаю всех на свадьбу!

На лужайке произошло оживление, гости устремились к имениннику, обнимать и поздравлять с днем рождения и предстоящим бракосочетанием. Мужчины целовали Викусе ручки и говорили приличествующие случаю комплименты, женщины жеманно касались ее щеки щеками, изображая поцелуй. Собеседницы Нины Федоровны перестали кивать в такт ее словам и устремились к поздравляющим. Старуха присела на освободившуюся скамейку под иргой и с раздражением взирала на поздравительную церемонию. Перекрывая радостный гвалт гостей, за воротами просигналила машина. Затем еще раз. И еще. Нина Федоровна поднялась со скамьи, обиженно пробасив:

– Да, Костя, забыла тебе сказать. Вчера звонил Максим, просил, чтобы его встретили из аэропорта. Он какую-то громоздкую коробку тебе в подарок везет.

Бывший хоккеист сердито глянул на мать, махнул рукой и устремился по дорожке к добротному кирпичному забору, через который невозможно было ничего рассмотреть. Распахнув створки ворот, впустил на территорию участка старенький микроавтобус, сквозь лобовое стекло которого на переднем пассажирском сиденье виднелся улыбающийся Макс. Загорелый, обветренный, с яркими глазами цвета бутылочного стекла на узком лице и играющей на губах счастливой улыбкой, он был похож на капитана корабля, входящего в родной порт. Увидев отца, блогер распахнул дверцу автобуса и закричал:

– Папка! Поздравляю! Чего не встретил, я же просил! Бабушка забыла передать? Только посмотри, что я тебе привез!

Выпрыгнув из остановившегося автобуса, парень перевернул козырьком назад бейсболку и вместе с подоспевшим водителем вытащил из салона большой ящик, отливающий черным лаком. Гости заинтересованно подтягивались к автобусу, рассматривая удивительный подарок.

– Дядь Гриш, – заметив Небабу, помахал рукой парень. – Помогите достать!

Кругленький толстяк отбросил недокуренную сигарету и устремился на зов. Перед ним почтительно расступались, и он, приблизившись к ящику, с любопытством его осмотрел и только потом снял крышку. Занятый ящиком, Максим не замечал затерявшуюся среди гостей Викторю, а смотрел только на отца, стараясь уловить на его лице эмоции, вызванные впечатлением от своего подарка. Небаба заглянул в коробку и с недоумением протянул:

– Что-то не пойму, что там такое?

Довольно посмеиваясь, блогер ухватил последователя Шивы за длинные свалывшиеся патлы и с силой рванул вверх. По лужайке пронесся вздох изумления, когда парень прямо на траву опустил сидящего в позе лотоса усохшего садху.

– Это что, мумия? – зажав ладошкой рот, взвизгнула дама в клетчатом платье.

– Нет, это живой йогин, – радостно сообщил Максим. – Он поклоняется Шиве и дал обет так сидеть целую вечность, потому и сидит.

– И что прикажешь с ним делать? – угрюмо осведомился именинник.

– Поставь в кабинет, пусть радуется входящих. И дополняет коллекцию. Ну, разве он не клевый?

К усохшему шивопоклоннику потянулись руки желающих лично убедиться в том, что он живой, и Макс во избежание разрушения ветхого йогина торопливо ухватил подарок под хрустящие под мышки и погрузил обратно в лаковый ящик. Накрыв крышкой и, подхватив, вместе с отцом понес ящик в кабинет. Осторожно пятясь задом, Максим шел первым, именинник с хмурым видом следовал за ним. Поднявшись на крыльцо, они пересекли веранду, прошли по коридору, и блогер толкнул дверь ногой, заноса свою сторону в кабинет. Поставив ношу рядом с сейфом, в котором хранились экспонаты коллекции, юноша вытащил индуса из коробки и, водрузив крышку на место, усадил йогина на коробку. Сделал шаг назад, любуясь своей работой и, гордо взглянув на отца, выдохнул:

– Колоссально!

И, перестав улыбаться, посмотрел на отца внимательнее. Было заметно, что Маслов-старший явно не в своей тарелке. Константин Вадимович стоял посреди кабинета, переминаясь с ноги на ногу, и не знал, куда девать глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.